

ИАР ЗЛТЕРРУС

БЕЛЫЙ
КРЕЙСЕР

Иар Эльтеррус

Белый крейсер

Серия «Росская Империя», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116465
Белый крейсер: Ленинградское издательство; СПб.; 2012
ISBN 978-5-9942-0946-2

Аннотация

Долг превыше всего – это знает каждый, кто давал присягу служения Родине. Но что, если ты внезапно оказался в далеком будущем? Что, если на тебя свалилась величайшая ответственность, к которой ты не готов? Что тогда делать? Как поступить? Но ведь Родина и в будущем остается Родиной! А значит, нужно следовать присяге. Капитан Красной армии Алексей Коршунов, никак не ожидая того, из окопа в 1943 году переместился на борт Белого Крейсера, флагмана флота Росской Империи. Искин Белого Крейсера признал его своим капитаном. Но тот, кого искин признавал капитаном, одновременно становился новым императором Росса. И далее все зависело только от него, от его решимости и силы, поскольку император не имеет права быть слабым, иначе погубит страну. Вот и пришлось советскому офицеру взвалить на себя неподъемную ношу и тянуть ее, сцепив зубы. Ведь у императора есть только долг, больше ничего – иначе он не император, а ничтожество!

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	43
Глава 3	82
Глава 4	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Иар Эльтеррус Белый крейсер

Для облегчения восприятия меры веса, длины и времени даны в привычных для русскоязычного читателя единицах. Новые термины и понятия объяснены либо в самом тексте, либо в сносках.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

От автора

Дамы и господа, сюжет этой книги банальнейший. Снова «наши там», снова отряд советских солдат в глубинах космоса, снова они самые крутые (хоть это и не так). Надоело, не правда ли? Но что поделать, данная книга именно такова. И если вас это смущает, не читайте, не надо, не насилуйте себя. Меня же в процессе написания интересовали совсем иные вещи, отнюдь не новизна сюжетных линий. Значительно больше меня занимал вопрос «человек и власть». Кто сумеет остаться человеком, получив неограниченную власть? Есть ли такие? И если да, то какие качества необходимы им. Да и другие не менее интересные вопросы я хотел исследовать здесь. Хочу надеяться, что из давно набившей оскомину банальщины мне удастся выстроить что-то новое и необычное. Судить об этом уже не мне, а тем, кто наберется решимости прочесть сей опус.

Глубоко неуважаемым господам либералам и демократам читать эту книгу не рекомендуется во избежание излития желчи и приступов злобы, а то как бы еще удар кого-то не хватил.

А тем, кто решил прочесть – приятного чтения.

Глава 1

Стоящий за деревом со своей стороны окопа светловолосый человек глубоко затаился в последний раз и бросил окурочок на землю, аккуратно притоптав его носком сапога. Надо было спускаться вниз, однако он остался на месте, вслушавшись в щебетание птиц. Какое тихое утро, кажется даже, что никакой войны и нет... Но думать так было бы глупо, никуда она не делась. И не денется, покуда Берлин не возьмут. Скоро, поговаривают, опять крупное наступление. Немцы постепенно откатываются назад, не в силах опомниться от невиданного поражения под Курском, но при этом сражаются яростно, зубами цепляются за каждый клочок земли.

Вздыхнув, капитан Клишко надел фуражку и, прячась за ветвями клена, прыгнул в окоп – тишина тишиной, но не стоит лишний раз подставляться. Пусть он и за деревом, однако все может случиться. Лейтенанта Старышева, командира второго взвода, вчера вон так подстрелили. Только высунул голову за бруствер – и нет парня. Снайпер, будь он проклят, сработал. Двадцать три Мишке недавно исполнилось, все мечтал, что после войны в университет поступит, на биолога... Не поступит уже. И взводом командовать некому – пока еще замену пришлют. Старшим временно остался сержант Шелуденко. Ничего, справится – Мыкола человек

опытный, с самого начала войны в строю, с самого Буга вместе отступали.

Окинув взглядом позицию своей роты, капитан скривился. Рота называется... Едва тридцать человек от нее осталось после позавчерашней контратаки немцев. Перли и перли вперед, как проклятые, у пулеметов стволы раскалились, а они все шли. На последнем дыхании отбились. А если снова полезут? Не удержать ведь позицию с таким числом бойцов. Полковник, конечно, обещал вскоре прислать пополнение, но вскоре – понятие очень растяжимое.

Жаль, неизвестно когда наступать, до смерти надоело на одном месте сидеть. Пятый день полк здесь, а до Днепра ведь еще далеко. Ходили слухи, что ближе к концу августа снова фрицев гнать начнут, что в тылу собирается большая масса войск. Ежели так, то недолго ждать осталось, уже восемнадцатое.

Хозяйственным взглядом окинув окопы, капитан усмехнулся – сержант Шелуденко в своем репертуаре. Как и где этот хитрый хохол ухитрится добывать провизию? Благодаря ему почти никогда не оставались голодными! Хоть картошки мерзлой, хоть сухарей, хоть репы прошлогодней, но изыщет. Сейчас вот сидит и оделяет бойцов взвода салом, отрезая толстые ломти от огромного куска. Желтоватого, явно старого, но все равно это сало. И ведь не только его достал где-то, но и каравай хлеба.

– Товаришу капитан! – позвал Алексея сержант. – Идись

суды! Пойижьте ось. Кашу ще колы привезуть...

— Ох, Мыкола... — покачал головой он. — Посадят тебя когда-нибудь...

— Та й посадять, — пожал плечами Шелуденко. — У тюрьми теж люды йе. И там жыты можливо.

Обреченно махнув рукой, капитан не стал отказываться и сел на чей-то вещмешок. Взял положенное на хлеб сало, понюхал и с удовольствием откусил. Жуя, он по очереди смотрел на бойцов. Как-то так вышло, что во втором взводе собрались в основном «старики», воевавшие с сорок первого. Точнее, они просто выжили, опыт помог, а вот новобранцы позавчера почти все полегли. Из последнего пополнения только Ашот Каспарян и Михаил Фельдман каким-то чудом уцелели. Если о первом Алексей не мог сказать ничего плохого — труса армянин не праздновал, но и на рожон без толку не лез, то второй... Худой, как щепка, питерский студентик в круглых очках с толстыми стеклами. Блокадник. Взгляд наивный, как у ребенка. Автомат едва держит. Ну кто такого на фронт взял? Зачем? От него же проку нет, не сегодня-завтра сгинет по глупости и неопытности. Пусть бы сидел себе в тылу, учил дальше свою математику, умник несчастный — с момента появления во взводе студент успел всех достать заумными разговорами.

Остальных троих капитан знал, как облупленных — пуд соли вместе съели с июня сорок первого. Он тогда еще младшим лейтенантом был, птенцом желторотым. Если бы не тот

же Шелуденко, взявший над молодым командиром негласное шефство, то давно бы пропал. Вместе из окружения выходили. Потому и позволял Алексей «старикам» больше, чем другим. Посмотрев на них, он едва заметно усмехнулся. Хороши, красавцы. Сережка Перков, сияя открытой улыбкой на веснушчатой физиономии, не переставая шутил и балагурил. А ведь тоже бывший студент, только прошедший огонь, воду и медные трубы, в отличие от Фельдмана. Затем Алексей перевел взгляд на Ивана Мурянина, мордвина лет тридцати с вытянутым, вечно недовольным лицом, сосредоточенно жующего хлеб с салом. На первый взгляд – тяжелый человек. И это, если разобраться, верно, однако положиться на него капитан мог всегда. Прикажешь стоять до конца, зароешься в землю и будет держаться, покуда жив. Жаль только инициативы никакой, если дело не касается хозяйственных нужд.

Напоследок взгляд упал на Виктора Раскосова, невозмутимого, как всегда. Казалось, этого человека ничем не проймешь. Капитан ценил его за феноменальную везучесть – ни разу с начала войны не ранили! – и способность в любой момент преподнести врагу неожиданный сюрприз. Но он так и остался для Алексея загадкой, вещь в себе. Ничего о его прошлом капитан не знал, Виктор предпочитал помалкивать, ни с кем особо не сближался, на откровенный разговор не шел. Об остальных капитану было известно все – от новостей из дому до чаяний. Однако Раскосов никогда не

подводил в бою, всегда брал на себя самое тяжелое, за что его и ценили.

Сегодня Виктор почему-то выглядел особенно мрачным, даже сел подальше от других – метрах в десяти. Сидит и тоскливо смотрит в одну точку. Похоже, что-то не дает ему покоя, что-то тревожит, что-то давит на душу. Подойти бы, спросить, но Алексей знал, что это бесполезно – не ответит. Посмотрит на тебя всезнающим взглядом столетнего старца, улыбнется грустно и промолчит. А спросишь что-нибудь по делу – ответит обстоятельно, четко, логично.

Доев сало, капитан аккуратно вытер руки ветошью, глотнул воды из фляги и откинулся на стенку окопа. Раз немцы пока не атакуют, можно немного передохнуть. Мысли скакали с одного на другое, произвольно скользили туда и сюда, от одной ассоциации к другой. Почему-то перед глазами все время стояла покойная мама. Стояла и пристально смотрела на сына, как бы требуя не забывать, что он русский дворянин. Помнить о чести, которая стократ выше жизни. Едва заметно усмехнувшись, Алексей покачал головой – узнал бы кто из особистов о его истинном происхождении, огреб бы проблем полной мерой. Могли бы и 58-ю статью припать.

Настоящей фамилией капитана была не Климко, а Коршунов, но об этом знал только он сам. По словам мамы, их род восходил едва ли не к Рюриковичам, но Алексей в это не особо верил. Дворянин – и достаточно. А для дворянина главное – Родине служить. Как бы она ни называлась, хоть

и Советским Союзом, а все равно Россия. Святая Русь, которую нужно защищать, не жалея себя. Обидно только, что приходилось таиться, притворяться «потомственным пролетарием», но делать нечего. Это не слишком большая цена за право служить родине. Вон даже знаменитый белый генерал Слащев – и тот вернулся на Русь. По слухам, до самой смерти преподавал в Академии Генштаба.

Вспомнив историю жизни матери, Алексей вздохнул. Нелегко ей, бедной, пришлось. Гимназистка из Санкт-Петербурга, невеста погибшего белого офицера, не попавшая на последний уходящий из Крыма пароход. Беременная, как вскоре выяснилось. Им беременная. Наверное, Екатерине Стрешневой повезло, что в нее с первого взгляда влюбился молодой красный командир и буквально через два дня после знакомства предложил стать его женой. Немного подумав, девушка согласилась. Как она потом говорила, ради ребенка, чтобы хоть что-то в мире осталось от Михаила Коршунова. К тому же понимала, что сама не справится, была мало приспособлена к жизни. Вот и решилась выйти замуж за вчерашнего врага, который, тем не менее, оказался добрым и честным человеком. Она старалась честно исполнять свой долг, всеми силами заботясь о муже и отстаивая его интересы.

Ефим Клишко знал, что Алексей – не его сын, Екатерина не стала скрывать этого. Однако растил, как родного, любил и баловал, учил всему, что знал и умел сам. С раннего дет-

ства говорил с приемным сыном, как с равным, терпеливо отвечал на бесконечные детские вопросы, старался обосновывать свои ответы и объяснять непонятное, насколько понимал сам. Он страстно мечтал о большой и дружной семье, сам вырос в такой, но ничего не вышло: после вторых родов, закончившихся неудачно – родился мертвый ребенок – врачи запретили его жене рожать. Слишком слабым здоровьем отличалась уроженка дождливого Петербурга.

Приемный отец Алексея тоже в свое время послужил в царской армии – был поручиком фронтового производства, выбившимся из нижних чинов. Революцию и идею всеобщей справедливости он принял всей душой, вступив в ряды Красной Армии в момент ее основания. Воевал честно, в расстрелах безоружных не участвовал.

Капитан не знал, как матери удалось оградить его от влияния школы и улицы, однако удалось – ярым приверженцем советского строя он так и не стал. Екатерина Стрешнева с раннего детства приучила сына читать и сама подбирала ему литературу. Рассказывала о славе русского оружия, не спеша убеждала, что дворяне – вовсе не враги трудового народа, как утверждают большевики, а совсем наоборот – душа и сила России. А когда Алексею исполнилось двенадцать, он узнал, что сам дворянин и сын дворянина. И фамилия его – Коршунов.

Не выдержав, мальчик побежал за подтверждением к отцу, которого искренне любил и уважал. Тот с тяжелым вздо-

хом подтвердил, а затем долго говорил с приемным сыном. О таких вещах, говорить о которых с детьми было не принято. О чести и достоинстве, о вере в Бога и судьбе родной страны, о жизни и смерти. Как выяснилось, Ефим Климко не считал белых врагами, хоть и воевал с ними. Утверждал, что они тоже русские люди, только заблуждающиеся. Алексей не ожидал услышать такое от отца и очень долго думал над его словами.

Хорошо, что к тому времени мальчик научился держать язык за зубами и не стал ни с кем вне семьи делиться невероятными новостями. С тех пор его взгляд на жизнь изменился – розовые очки спали, неприглядные стороны действительности стали хорошо видны, как, впрочем, и положительные. Алексей начал учиться думать самостоятельно, анализировать происходящее и действовать, исходя из своих выводов. А главное – перестал верить в чьи-либо голословные утверждения.

Несмотря ни на что, он решил стать офицером, или, как говорили в СССР, – командиром. Ведь оба его отца, родной и приемный, являлись таковыми. Пусть один – белым, а второй – красным, но все равно офицерами, защищавшими Родину, служившими ей так, как считали правильным. Значит, и Алексею прямая дорога в армию. Он решил сразу после школы поступать на командирские курсы. Однако этим планам не суждено было сбыться – в тридцать шестом от скоротечной чухотки за несколько месяцев сгорела мама. А еще

через год по чьему-то доносу арестовали приемного отца и дали ему «десять лет без права переписки». Алексей знал, что это означает...

Сына «врага народа» отправили в детдом. Правда, пробыл он там недолго, только до совершеннолетия, до которого оставалось всего полгода. Затем пришлось идти на завод учеником токаря – о военной карьере с такой биографией мечтать нечего. По крайней мере, юноша был в этом уверен.

Однако сдаваться Алексей не собирался. Работая, как проклятый, он за несколько месяцев стал ударником труда, учился всему, чему мог научиться, активно участвовал в общественной деятельности, даже притворно «отрекся» от расстрелянного приемного отца, в душе продолжая любить и уважать его. В конце тридцать восьмого юноша вступил в комсомол и вскоре стал одним из самых активных комсомольцев завода, все подчинив главной цели, ни на минуту не позволяя себе расслабиться. В конце концов он своего добился – получил рекомендацию от комсомольской организации и поступил в N-ское пехотное училище. Год проучился, а затем началась война.

Вчерашних курсантов спешно произвели в младшие лейтенанты и бросили на фронт, затыкать брешь. Красная Армия откатывалась под ударами гитлеровцев с каждым днем все дальше на восток, потери были страшными. Часть, в которую направили Алексея, очень быстро оказалась разгромлена, а ее остатки попали в окружение – реальный боевой

опыт имелся мало у кого из красных командиров. Вспоминать, как из этого окружения выходили, не хотелось... А когда вышли, окруженцев начали допрашивать особисты. В чем только ни обвиняли... Слава Господу, после трех дней допросов поверили, что они не предатели – бойцы сохранили оружие, знамя и документы – и направили в действующие войска. Алексей воевал, не жалея себя, дважды был ранен, но всегда возвращался после выздоровления в родной полк – отлеживался после ранений в медсанбате, изо всех сил противясь отправке в госпиталь – благо раны были не тяжелые. Остальные выжившие старались держаться возле своего первого командира. Он их тоже не забывал.

Три месяца назад Алексею дали капитана и поставили командовать так называемой ротой сокращенного состава – всего семьдесят человек. Для пехотной роты – мизер. Впрочем, и то хлеб, и с таким числом бойцов воевать можно, если умеючи. Офицер усмехнулся: за прошедшие годы Красная Армия хорошо научилась бить немцев. Как их под Курском причесали! Любо-дорого посмотреть. Он сам тоже многому научился. У врага, большей частью. Но поможет ли это? Трудно сказать. Возможно, уже сегодня сгинет. Хотелось, конечно, дожить до победы, которая, несомненно, будет, но это не от него зависит, а от Божьей милости. В Бога капитан верил, хотя, понятно, никому об этом не говорил.

Пожалуй, можно немного подремать, пока тихо. Алексей вытянул ноги и прикрыл глаза.

Из-под полуопущенных век наблюдая за задремавшим командиром, Вирт Раскедов, которого остальные знали, как Виктора Раскосова, то и дело незаметно вздыхал. Хороший человек Алексей, по-настоящему хороший, такие редко встречаются. Жаль будет с ним расставаться. А с Мыколой, Сергеем и Иваном разве не жаль? Сколько раз друг друга из безнадёжных ситуаций вытаскивали, сколько вместе прошли...

Он покосился на друзей. Привык к ним. Как не хочется уходить, как не хочется в который раз начинать все заново. Но его никто не спрашивает – судя по самочувствию, переход приближается. Тошнит, холод в животе, трясет всего, по позвоночнику горячая волна то и дело прокатывается. Все симптомы налицо. Это однозначно случится сегодня, возможно, даже в ближайшие часы, если не минуты. Куда, интересно, выбросит? Как всегда, неизвестно...

Горько усмехнувшись, странник опустил голову. Знали бы друзья, сколько ему лет... Выглядит на двадцать пять, а на деле давно за двести пятьдесят перевалило. Еще два-три перехода, и триста исполнится. Сколько же все это будет продолжаться, Святой Создатель? Никто не ответил. И не ответит.

Опять придется обживаться на новом, незнакомом месте. Хорошо бы еще в индустриальный период какого-нибудь мира выбросило, а не в очередное средневековье. Чаше всего он

почему-то оказывался именно в средневековье. Там, конечно, легче легализоваться, документы не нужны, зато условия жизни отвратительные. Вирт снова вздохнул. Кем он только ни перебивал за свой долгий век. От крестьянина до князя. Сколько любимых женщин и близких друзей осталось позади. Не сосчитать. В последние несколько переходов Вирт старался ни с кем особо не сближаться, чтобы меньше боли испытывать при неизбежном расставании, но не всегда выходило. Вот и сейчас не вышло. Судьбы Алексея, Мыколы, Сергея и Ивана стали ему далеко не безразличны.

С чего же все это началось? А с той злосчастной археологической экспедиции Императорской Академии Наук в звездную систему Иртайд. По крайней мере, для двадцатилетнего археолога Вирта Раскедова. Как он тогда интриговал, жаждающая попасть в эту экспедицию, как уговоривал профессора Ниронатовича взять его. Знал бы чем это обернется... Лучше бы дома остался. Но откуда Вирту было знать? Он горел желанием участвовать в исследовании комплекса храмовых зданий неизвестной, явно нечеловеческой цивилизации, обнаруженного кораблем дальнего поиска в пятистах с небольшим световых годах от границ Российской Империи. Ни разу до сих пор имперцы не встречали так хорошо сохранившихся древних построек. Даже император заинтересовался находкой и приказал организовать экспедицию как можно быстрее, финансируя ее из казны.

По прибытию на безымянную планету археологи рину-

лись лихорадочно раскапывать частично занесенные песком здания непривычных очертаний. Однако те оказались полностью пусты, если не считать покрытых абстрактной росписью стен. Неделя шла за неделей, но ничего важного найти так и не удалось. О назначении «храмов» высказывалось множество предположений, но доказать ни одно из них не представлялось возможным. Единственным относительно интересным объектом оказалось подобие украшенного по углам статуями неизвестных существ алтаря в центральном храме. Метровой высоты.

За прошедшие годы Вирт сотни раз задавал себе вопрос: какой черт его попутал, заставив взобраться на этот проклятый алтарь и встать в центре? Ответа он не знал. Взобрался и не сразу обратил внимание, что алтарь начал слабо вибрировать. Понял, что происходит неладное, только когда вибрация усилилась настолько, что затрясся весь зал. Хотел было прыгнуть, но опоздал. В глазах потемнело и... Вирт очутился в другом мире. На поляне. Вокруг шумел густой лес.

Не сразу поняв, что произошло, он долго бегал по окрестностям и звал товарищей. Никто не откликнулся. А ночью археолог увидел звездное небо и пришел в ужас – рисунок созвездий оказался совсем иным, чем на планете храмов. От потрясения Вирт едва не потерял сознание. Да как он мог оказаться на другой планете?! И на какой планете?! Увы, он не являлся астрономом, способным по звездам определить это. Что же за сила его сюда перенесла? Алтарь? Похоже на

то...

Немного успокоившись и поразмыслив, Вирт понял, что задача перед ним стоит одна – каким-либо образом дать о себе знать. Империя своих граждан в беде никогда не бросала – пришлют корабль, обязательно пришлют. Тем более, что феномен очень интересный – физики непременно заинтересуются мгновенным переносом человека между планетами. Но как дать о себе знать? А только искать местных жителей. Возможно, они слышали о Росской Империи и имеют с ней связь. Вряд ли он оказался в безлюдном мире. Утром Вирт двинулся в путь. С собой у него было только то, что нашлось в карманах – пачка сигарет, зажигалка, портмоне с документами и кредитными кристаллами. Из одежды – легкие брюки, рубашка, полотняные туфли.

Около месяца молодой археолог пробирался по лесу куда глаза глядят. Поистрепался, вынуждено научился охотиться и ловить рыбу – бесчисленные ручьи просто кишели ею. Хорошо еще, что его зажигалка была дорогой, так называемой «вечной». По утверждению изготовителя, она могла работать около тридцати лет без заправки. Так ли это, Вирт не знал, но берег зажигалку, как зеницу ока. Потеряешь – огня не добыть, а значит – не испечь ни рыбы, ни мяса, ни грибов. А есть их сырыми – удовольствие небольшое.

Еще через неделю Вирт неожиданно вышел на поляну, где тренировались вооруженные мечами десятка два юношей. Совершенно обычных на вид, если не считать архаичного

оружия и просторных одеяний белого цвета. На них то и дело покрикивал высокий, сухопарый старик с длинными волосами, заплетенными в две косы. Иногда он даже пускал в ход палку, вытягивая нерадивого ученика поперек спины. Заметив незваного гостя, старик спокойно подошел к нему и бесцеремонно ощупал, промяв каждую мышцу. Явно остался недоволен, так как что-то сказал с соответствующей интонацией на незнакомом языке. Вирт в ответ заговорил на русском, а затем и на других известных ему языках. Однако быстро осознал, что его не понимают. Старик удивленно приподнял брови, затем немного подумал и указал археологу на общий строй. Ему не осталось ничего другого, кроме как подчиниться – чтобы объясниться с местными, нужно сначала изучить их язык.

Значительно позже Вирт узнал подоплеку случившегося. Мастер Ариатан являлся известным во всех близлежащих королевствах и княжествах наставником боевого мастерства, молодые воины из разных стран постоянно приходили к нему проситься в ученики. Вот старик и принял археолога за такого чужеземца-соискателя, прослышавшего о знаменитом учителе. Если бы не это, вряд ли взял бы – Вирт, по его мнению, был староват, да и не отличался хорошими физическими данными. Однако возможность войти в контакт с еще одним народом перевесила собой все, и Ариатан начал гонять археолога так, что бедняга только стонал – в жизни ему не доводилось так напрягаться. Однако со време-

нем вошел во вкус и стал тренироваться с удовольствием.

Языку Вирт обучился довольно быстро, за каких-то несколько месяцев – по сравнению с русским он был очень прост. Вскоре археолог выяснил, что местная цивилизация находится на уровне меча и копья, и не имеет никакого понятия о звездной Империи. Окончательно осознав, что доживать отпущенные провидением годы придется здесь, археолог полностью отдался тренировкам – мастера боя у примитивных народов всегда ценились. Ариатан дал пришельцу шанс неплохо устроиться в незнакомом мире. Он, кстати, не поверил рассказам ученика о гигантской стране, включающей в себя десятки миров, посчитал Вирта фантазером. Сказал лишь, что его явно перенесли сюда колдовством, что слышал о похожих случаях. Тут уже не поверил археолог, считавший магию чушью, но предпочел промолчать, чтобы не сердить наставника.

Закончив обучение, Вирт от всей души поблагодарил старого мастера и ушел в большой мир, иначе говоря – Ногастр, как называли аборигены несколько постоянно воюющих между собой стран, расположенных на небольшом материке посреди океана. Мореплавание в этом мире еще не развилось как следует, только рыбаки пользовались примитивными долбленками, не рискуя отплывать от берега дальше, чем на триста шагов. Поэтому о других материках планеты люди понятия не имели, считая мир ограниченным размерами Ногастра.

За следующие несколько лет Вирт обошел практически весь материк, нанимаясь охранником в купеческие караваны. Участвовал в бесчисленных стычках и даже войнах. Атаковал и оборонял города. Находил друзей, любил и ненавидел. В общем, просто жил, как жилось. Одно только настораживало бывшего археолога – он не старел. Вообще не старел! Годы шли, а Вирт оставался таким же, каким прибыл в этот мир. И еще одно заставляло задуматься – собственная невероятная удачливость. Ни в одной стычке его ни разу не ранили! О чем речь, даже разбойники на него не нападали, если Вирт встречал их, путешествуя в одиночку. Стаи голодных лургов, местного подобию волков, обходили путника стороной. Все это не могло не настораживать.

Постепенно минуло пятнадцать лет, и Вирт впервые ощутил симптомы приближающего перехода. Начало тошнить, по телу пробегал то жар, то холод, терялась ориентация. Быший археолог поначалу решил, что подхватил какую-то местную лихорадку, но это оказалось не так. Еще через несколько часов в его глазах потемнело, земля ушла из-под ног и... он снова оказался в другом мире. Совершенно не таком, как предыдущий – на Ротаэни люди уже придумали первые паровые машины.

Так дальше и пошло... По прошествии очередных пятнадцати лет неизвестная сила переносила Вирта в новый мир. Он не старел, ни разу не болел, не получил ни одной раны. Казалось, ничто не в силах нанести ему вред – несколько раз

странник в отчаянии пытался покончить с собой. Однажды повесился и провисел четверть часа, не испытывая при этом никаких неприятных ощущений, после чего перерезал веревку – дальше висеть смысла не было. В другой раз несколько раз ткнул в себя мечом – толку оказалось не больше. Меч изгибался, скользил мимо тела и, в конце концов, сломался. В одном из индустриальных миров Вирт выстрелил себе в голову – пистолет дал осечку. И это неизменно повторялось, сколько бы бывший археолог ни пытался что-либо сделать с собой. Неизвестная сила охраняла его от любых опасностей, ничем больше не проявляя себя.

Тогда Вирт попытался найти хоть какой-то смысл в происходящем – должна же быть во всем этом хоть какая-то логика! Не случается такое без причины. Однако после сотни лет безуспешных попыток что-либо понять руки у него опустились. Не было никакой причины – и все тебе тут! Его без цели и смысла носило по разным мирам – бессмертного и неуязвимого. А после того, как выжил в эпицентре ядерного взрыва, странник окончательно убедился в своей неуязвимости. Сколько раз Вирт в отчаянии кричал в небо, то проклиная Создателя, то умоляя дать умереть или хотя бы сообщить почему с ним все это происходит. Создатель молчал. В конце концов странник уверился, что просто оказался не в том месте и не в то время.

Затем он переместился на очередную полудикую планету и на долгие годы погрузился в апатию, перестал заботиться

о чем-либо, просто тупо сидел на поляне в лесу, невзирая на время года, и смотрел в никуда. Увы, даже потосковать вволю Вирту не дали – он быстро прослыл среди местных жителей святым отшельником. Как же, сидит человек на снегу в лютый мороз и не замерзает! Селяне начали носить страннику провизию, спрашивать совета в разрешении своих нехитрых проблем и вообще всячески не давать покоя. Он нехотя отвечал и помогал, не привык игнорировать других людей, никогда этого не умел. Вот и встал на защиту лесной деревни, когда пришла ватага любителей поживиться чужим добром. Те, убедившись, что им противостоит неуязвимый воин, в ужасе бежали с воплями «Колдун!». А местные еще больше убедились в «святости» Вирта. Следующий переход он встретил с немалым облегчением – надоело быть затычкой в каждой бочке.

Еще на одно обратил внимание странник. Его никогда не выбрасывало на планеты, вышедшие в космос. На приближающиеся к этому – случалось. Неужели и это проявление неизвестной силы, швыряющей Вирта из мира в мир? Видимо, да. Он даже решил провести эксперимент, оказавшись на планете, создавшей к этому времени ядерное оружие. Легализовавшись, Вирт стал ученым и попытался сдвинуть с места космическую программу. Не смог! Все, казалось, было против – от технологических недостатков местного производства до международных отношений. А когда ему, преодолев множество препятствий, удалось вплотную подойти

к запуску первого спутника, началась большая война. С применением ядерного оружия... И странник долго корил себя: не из-за его ли эксперимента произошел этот кошмар? Не он ли виноват в гибели миллионов человек? С тех пор он просто жил, не пытаясь что-либо изменить. В каждом из миров. Устраивался и старался принести окружающим как можно меньше вреда.

После последнего переноса Вирт оказался на планете, которую ее жители называли Землей. В стране со странным названием Советский Союз. Но раньше она звалась совсем иначе – Россией или Российской Империей. По местному календарю шел 1928 год. Сходство имен Росс и Россия сразу насторожило странника. А затем выяснилось, что и языки двух стран очень похожи. Многие русские слова явно имели русские корни. Или наоборот? Странник не сумел этого выяснить, так как лингвистику знал постольку-поскольку.

Легализоваться в СССР Вирту удалось с большим трудом, но все же удалось – он выдал себя за крестьянина из глухой сибирской деревни, возле которой появился после перехода. Паспорт после введения паспортизации получил в Иркутске. Но с каждым днем жизни в России он испытывал все более сильное чувство дежавю. Слишком много похожего на русское встречал. Обычаи, праздники, поговорки, идиомы, традиционная одежда, национальные блюда. Масленицу хотя бы взять. Те же тройки с бубенцами, те же блины, да и многое другое. Были, конечно, и отличия, но они не отменяли

главного. Вирт терялся все сильнее.

Чего только ни передумал странник. Возможно, Россия – далекое прошлое Росской Империи? Неужели его носит не только по пространству, но и по времени? Однако звездное небо Росса и Земли – абсолютно разные! Никакого сходства в принципе нет, ни одного узнаваемого созвездия. Хотя, если он в прошлом, колонию на Россе могли организовать через много лет и русские – доказательств местного происхождения человека на его родине ученые так и не нашли. А затем что-то случилось, связь с Землей прервалась, и россы со временем забыли о своих корнях, сохранив некоторые обычаи и частично язык. Возможно такое? Вполне.

Культурные исследования настолько захватили Вирта, что он не замечал течения лет. Ездил по всему Союзу, везде находя подтверждения связи Росса и России. Однажды его даже арестовало НКВД. Однако после долгих допросов отпустило, сочтя малограмотным крестьянином. После этого он осел в Подмосковье и больше не высывался – такое невероятное везение может и не повториться. Да, убить его не смогут, зато вполне способны запереть в камеру-одиночку, где придется сидеть до самого перехода, который должен произойти в 1943-м году.

В июне сорок первого началась война, и Вирта призвали в армию – чтобы не вызывать подозрений, он встал, помимо прочих инстанций, и на военный учет. Пожав плечами, странник отправился воевать – все равно никакое местное

оружие не способно причинить ему вреда, да и война – дело давно знакомое и даже привычное. Во время отступления остатков разгромленной части на восток он и познакомился с Алексеем, Мыколой, Сергеем и Иваном, сам не заметив, как эти четверо стали ему дороги.

С каждым мгновением чувство дезориентации усиливалось, а это означало только одно – переход приближается. Вирт специально сел подальше от друзей, чтобы не захватить кого-то из них с собой – такое однажды случилось. В самый неподходящий момент приятель из рыцарей Нартанской короны, которой в том мире служил странник, подошел к нему и хлопнул по плечу. Вместе с Виртом и оказался посреди огромного индустриального города. Местная полиция очень удивилась внезапному появлению двух человек в стальных доспехах. Пришельцы, явившиеся ниоткуда, не говорили ни на одном из известных языков, и допросы ничего не дали. В конце концов, их поместили в сумасшедший дом. Вирту было очень стыдно перед приятелем, уверенным, что их похитили демоны. Бедняга не раз пытался бежать и однажды был насмерть сбит машиной – так и не научился видеть опасность в этих, с его точки зрения, адских повозках. Очень не хотелось бы, чтобы с земными друзьями случилось что-то в том же духе. Пусть лучше остаются на родине.

Странник окончательно потерял ориентацию, ему показалось, что проваливается в бездонную яму. Он медленно встал, осознав – переход! В этот момент все и случилось. По-

слышался свист снаряда, затем оглушительный взрыв где-то неподалеку – и Вирта взрывной волной швырнуло прямо на сидевших напротив друзей. Странник взыл от отчаяния, попытался откатиться в сторону, но было поздно. В глазах полыхнуло белым, и Вирт Раскедов навсегда покинул планету Земля, прихватив с собой шестерых землян.

После взрыва звенело в ушах, голова соображала плохо, как бы не контузия, но Алексей решительно выбрался из-под навалившихся на него сверху бойцов.

– Все целы? – резко спросил он.

– Я целый, – отозвался сержант Шелуденко. – Тики об стинку добре прыложило, уся спына болыть...

– Вроде порядок, – сказал Сергей, садясь.

– Навалились, черти липовые... – проворчал Иван Мuryнин, вылезая из-под Ашота Каспаряна.

– Да не толкайся ты! – возмутился тот. – Я что, нарочно?

– А где мои очки?.. – жалобно пролепетал Фельдман, слепо шаря по полу руками.

По полу?! Только в этот момент капитан осознал, что находится отнюдь не в окопе, а в каком-то очень странно выглядящем помещении, скорее даже длинном коридоре, освещенном непонятно откуда идущим желтоватым, рассеянным светом. Стены его, казалось, состояли из переплетенных светло-серых лиан разной толщины. На расстоянии нескольких шагов друг от друга из них торчали какие-то...

венки шупалец, что ли? Слабо шевелящихся. Пол был покрыт толстым слоем пыли, говорящим, что это место давно заброшено.

– Дэ цэ мы, товарищу капитан?.. – растерянно спросил Мыкола, вертя головой по сторонам. – Що цэ?

– Не знаю, – пожал плечами Алексей.

– Ой... – простонал нашедший очки Фельдман. – Это что ж такое?!

Он показал на вспучивающуюся стену, откуда вылезало что-то напоминающее многоногого богомола. Алексей, приказав всем отступить подальше, рванул из кобуры ТТ. Однако многоногое существо не стало нападать на людей – только подошло поближе и принялось изучающе рассматривать их. А затем что-то невнятно проскрипело и потопало обратно, вновь исчезнув в стене.

– Ничего не понимаю... – растерянно сказал капитан, пряча пистолет. – Это что было?

– Откуда ж нам знать? – пожал плечами Сергей, озадаченно лохматя свои рыжие волосы.

– Товарищ капитан... – простонал Фельдман. – Но мы же только что в окопе сидели! Как мы здесь очутились?!

– Не паниковать! – приказал Алексей. – А как очутились? И сам хотел бы знать.

Его внимание привлек стон Раскосова. Тот сидел у стены с закрытыми глазами, раскачивался со стороны в сторону и глухо, надрывно стонал, как стонут сходящие с ума от боли

раненые.

– Зацепило?.. – встревожился капитан, поспешив к нему. – Эй, у кого бинты есть?

– Нет, не зацепило... – медленно открыл наполненные отчаяньем глаза Виктор. – Простите...

– Да что с тобой сегодня творится, парень? – присел на корточки Алексей.

– Ничего...

Покачав головой, капитан встал и отошел в сторону – опять не хочет говорить. А ведь у него явно что-то неладно, не стонут так без причины. Однако думать о Викторе было некогда – надо понять, где они оказались и как добраться до своих. Придется искать людей, другого выхода Алексей не видел. Он покосился на бойцов, продолжающих в растерянности осматривать коридор с бугристыми стенами.

– Товарищ капитан! – позвал его Фельдман, подошедший к одному из «венцов щупалец». – Тут что-то написано!

Алексей подошел к нему. Действительно, под слабо шевелящимися щупальцами виднелась запыленная короткая надпись. Он осторожно стер пыль и удивленно приподнял брови – таких букв никогда еще не видел. Угловатые, режущие глаз, но одновременно гармоничные.

– Это по-каковски? – поинтересовался подошедший Иван.

– А черт его знает! – пожал плечами капитан.

– И я не знаю... – растерянно сказал Фельдман. – На кли-

нопись разве что немного похоже...

– Это нас чего, за границу занесло? – поразился Серега Перков. – Ох ни хрена ж себе!

– Дай Бог, чтобы не куда подальше... – поежился Алексей, которому непонятное происшествие нравилось с каждым мгновением все меньше.

Действительно, каким образом они могли оказаться в этом коридоре? Ведь только что сидели в окопе! Затем взрыв и... они здесь. А вдруг, это тот свет? Вдруг их просто убило? Однако почему тогда они все еще в пропыленной форме, а не в белых балахонах с арфами в руках? Да и автоматы с вещмешками никуда не делись. Что же в таком случае произошло? Как понять? И что теперь делать?

– Людей надо искать, – глухо сказал Ашот, от волнения его гортанный акцент усилился.

– Думал я уже об этом, – вздохнул Алексей. – Только сначала давайте-ка проведем ревизию. Сколько продуктов, боеприпасов, медикаментов и прочего. Надо знать, на что мы можем рассчитывать. Мыкола, Иван. Займитесь.

Те кивнули и оттащили к ближайшей стене шесть вещмешков – капитан был налегке, его вещи остались в командирском блиндаже. Никто не протестовал, хотя армянин и поморщился, когда его мешок бесцеремонно вытряхнули на пол. Иван с Мыколой принялись быстро раскладывать припасы по кучкам. Капитан едва заметно усмехнулся – эти двое хозяйственных товарищей быстро разберутся, что к чему. У

них никогда и ничего не пропадало, все шло в дело. Не зря говорят: голь на выдумки хитра.

– Так, товарищ капитан! – доложил Иван. – Из еды есть кила два сухарей, три банки американской тушенки, четыре банки сгущенки и шмат сала. Патронов – по два диска на каждого. У Ашота – трофейный пистолет с двумя обоймами.

– Почему не сдал? – покосился на того Алексей.

– Жалко... – скривился армянин. – Уж больно машинка ладная...

– Ясно. Что еще?

– Ще йе чотыры кысета махорки, – отозвался сержант Шелуденко. – Тры зажигалкы, з патронив зроблени. Онучи запасни у кожного. Шинели. Кальсоны.

– Не густо... – вздохнул капитан. – Что ж, делать нечего. Складывайтесь и пошли.

– А куда? – не выдержал Фельдман.

– Да хоть вон туда, – пожал плечами Алексей, махнув рукой влево.

Собрав вещи и разобрав мешки, бойцы закинули их на спины и двинулись следом за командиром. Тот не спешил, осматривая все перед собой тщательнейшим образом. Свет загорался метров за сто перед людьми и гас позади на таком же расстоянии. Значит, их кто-то видит? Кто-то же же зажигает этот свет. Или это автоматика? Алексей как-то читал в «Технике – Молодежи», что инженеры одного НИИ обещают разработать датчики, реагирующие на присутствие чело-

века. А вдруг кто-то уже разработал?

Час шел за часом, коридор сменялся коридором, однако вокруг все было по-прежнему. Несколько раз встречались точно такие же поперечные коридоры. Алексей свернул в один из них, но там тоже оказалось пусто и пыльно. Давно здесь никого не появлялось... Изредка он видел надписи на том же незнакомом языке. Они, к сожалению, помочь не могли, и капитан проходил мимо.

Вирт двигался последним. Его всего колотило, он читал надписи на стенах и все больше поддавался эйфории. Неужели наконец-то вернулся домой? Неужели наконец-то повезло? Однако странник никак не мог понять, где именно оказался. Что-то эти серые коридоры напоминали, но что? В том, что он в Росской Империи, Вирт не сомневался – надписи были на русском. Только почему-то на древнеросском, да к тому же сделанные старым клинописным шрифтом, а не современной кириллицей.

Только когда коридор вывел людей в небольшой овальный зал, в стенах которого мягко светились желтым звездообразной формы просветы, Вирт понял, где они. Один из знаменитых «серых крейсеров» имперского флота! Древних, как мир, крейсеров, давно стоящих на приколе. Теперь ясно, почему он заброшен. Но загадкой остался старый алфавит – в детстве Вирт бывал с экскурсиями на этих кораблях, даже посетил знаменитый Белый Крейсер, сыгравший главную

роль в восстановлении Империи, и хорошо помнил, что все надписи там были на кириллице. Так почему на этом все иначе? Или какой-то из крейсеров не прошел в свое время модификацию? Тоже возможно.

Если бы вместе с ним не перенесло землян, странник уже со всех ног несли бы в рубку, чтобы связаться с наземными службами. А ведь они оказались здесь по его вине... Хотя, а виновал ли Вирт в том, что его взрывом швырнуло на ребят в момент перехода? Как будто, не виноват, но совесть все равно ела его поедом. Ведь бедняги мгновенно лишились всего привычного. А может, имперские навигаторы знают координаты Земли и сумеют доставить его друзей домой? Ох, вряд ли... Не помнил Вирт, чтобы находили неизвестные цивилизации – если бы такое случилось, то все средства массовой информации кричали бы об этом.

В этот момент Вирт увидел, что Фельдман тянет руку к одному из звездчатых просветов, и с воплем бросился к нему, отшвырнув в сторону. Да так, что тот кувырком покатился по полу.

– Ты что творишь, Витька?! – возмутился Сергей. – Чего тебе парнишка сделал?!

– Ничего, – проворчал странник. – Руку дураку спас. Подумался тоже – в открытый вариатор соваться!

– Вариатор?.. – подозрительно прищурился подошедший капитан. – Так... И что было бы?

– А вы бросьте в него что-нибудь, – посоветовал Вирт. –

Сами увидите.

Немного постояв, Алексей порылся в карманах, достал какую-то деревяшку – любил на досуге вырезать что-нибудь из дерева – и швырнул ее в звездчатый просвет. Неяркая вспышка – и только пепел посыпался вниз.

– Не понимаю, почему вариаторы в режиме холостого хода не закрыты защитным полем... – растерянно сказал Вирт. – Это же против всех правил техники безопасности!

– Ты знаешь, где мы, – капитан не спрашивал, а утверждал.

– Знаю... – тяжело вздохнул странник. – Я потому и старался держаться от вас подальше, что ощущал – сегодня меня перебросит. Как назло, взрыв как раз в момент перехода случился... Я не хотел вас с собой брать, честное слово! Если бы все нормально прошло, я бы просто исчез из окопа, а вы остались. Простите...

– Ничего не понимаю! – ошарашенно помотал головой Алексей. – Перебросило бы? Давай-ка по порядку рассказывай.

– Расскажу, – поежился Вирт, поняв, что промолчать не получится. Но не мог же он допустить, чтобы глупый мальчишка из-за неуместного любопытства потерял руку? Не мог. – Только давайте уйдем из вариаторного зала. Мне здесь не по себе. А что, если крейсер в прыжок уйдет? От нас и пепла не останется...

– Крейсер, значит... – прикусил губу капитан.

– Именно, – кивнул странник. – Лучше вообще убраться из двигательного отсека в жилые помещения. Нечего нам здесь делать. Хотя, судя по пыли, главные двигатели и не запускались много лет, но все может случиться. Я, к сожалению, только увидев вариаторы понял, где мы, не то давно бы вас отсюда увел.

– Что ж, пошли, – согласился Алексей, подозрительно глядя на него. – Только оружие отдай.

– Забирайте, – Вирт снял с плеча автомат и протянул Сергею.

Слава Создателю, дорогу от вариатора до жилых палуб он знал – серые крейсера походили друг на друга, как близнецы. Жаль только, что никто не имел понятия откуда они вообще взялись в Империи и кто их строил. Вирт уверенно двинулся по левому коридору и метров через сто увидел лифтовую стену. Приложив к сенсору в виде человеческой ладони руку, он подождал, пока в стене протает круглое отверстие.

– Лифт, – пояснил странник настороженному капитану. – Куда едем? В жилые сектора или в рубку?

– Там кто-нибудь есть?

– Очень сомнительно, – отрицательно покачал головой Вирт. – Крейсера этого типа уже больше восьмисот лет на приколе. В консервации. Несколько находятся в музее «Славы и Доблести», но этот явно не из них – сами видите, что все в пыли. Здесь давно никто не бывал. Однако из рубки можно связаться с диспетчерской на Россе.

– Россе? – удивился Алексей.

– Да, – усмехнулся странник. – Головной планете Россской Империи. Меня еще у вас на Земле сильно удивляло сходство многих имен, языка, обычаев и всего прочего. Иногда даже думал, что Росс вырос из забытой русской колонии – слишком все похоже. Даже алфавит у нас одинаковый. Хотя здесь надписи почему-то не на кириллице...

– Тогда в рубку, – решил капитан. – И там ты мне все расскажешь! Подробно!

– Расскажу, куда же я денусь... – скривился Вирт.

Бойцы осторожно вошли вслед за ним в круглую комнату без окон. Странник коснулся сенсора, обозначающего рубку, и лифт стремительно понесся вверх, затем влево. Не прошло и двух минут, как двери снова открылись, и люди вышли на командный уровень. Вот тут-то Вирту и стало сильно не по себе. Все вокруг оказалось белого цвета! Этого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда! Белым являлся один-единственный крейсер во всей Империи – личная резиденция Его Императорского Величества! Все остальные корабли имели серый цвет. Что же это происходит, а? Почему на командном уровне тоже все в пыли? Он заброшен?! Императорский крейсер заброшен?! Святой Создатель!

Когда отряд подошел к двери в рубку, странник едва не упал, увидев горящие на ней символы. Корабль не находился в консервации! Он ждал капитана. В этом состоянии управ-

ляющий искин воспринимал любых людей на борту только как соискателей капитанского звания. Обнаружив землян, он и принял их за таковых... И если ни один не станет капитаном, не придется искину по душе, то глупая машина выбросит незваных гостей в открытый космос, ничуть не интересуясь тем, как они здесь оказались. Сейчас им руководит только одна программа – поиска. Но ведь это старый крейсер, он не может находиться в активном состоянии! Это просто невероятно!

Двери рубки раздвинулись, и перед Виртом предстало огромное шестиугольное помещение, на помосте в центре которого высилось белоснежное кресло со светящейся над ним голографической короной Российской Империи – тонким серебряным обручем с прозрачным кристаллом впереди. А увидев символы на стенах, странник с трудом сдержал стон отчаяния. Он уже бывал на этом корабле! Именно его Вирт посещал в музее «Славы и Доблести». В деактивированном состоянии! Император давно летал на более совершенном. Уже больше восьмисот лет. Создатель, да что же это происходит? В ждущем состоянии Белый Крейсер находился только в страшные годы Безвременья... А они закончились полтора тысячелетия назад восшествием на престол Алесия II Коршуна. Легендарного Собирателя. Величайшего из императоров Росса.

Вывод из всего этого следовал только один – они в далеком прошлом. В разгар Безвременья. В глазах Вирта потем-

нело – чего-чего, а такого он никак не ждал. И друзей теперь домой не вернуть – до путешествий во времени имперская наука не дошла, хотя и они и не считались чем-то принципиально невозможным.

– Ну и что все это значит? – поинтересовался капитан, с недоумением оглядывая пустую рубку.

Пожав плечами, он подошел к помосту, поднялся на него и... ничтоже сумняшеся, уселся на трон. Вирт открыл было рот, чтобы предупредить, остановить, но перехватило дыхание, и он не успел. Странник с ужасом уставился на трон, ожидая смерти Алексея – не признанного искином претендента обычно сжигало на месте. Тело землянина внезапно окутал яркий белый свет. Он струился, переливался, то пригасал, то вспыхивал снова. А затем из невидимых динамиков вдруг зазвучал старый гимн Империи и громовой голос произнес на древнеросском:

– Правь и славься в веках! Есмь право твое и сила твоя!

Как сомнамбула, странник медленно опустился на одно колено. Только что на его глазах произошла, как это ни невероятно, коронация. Точнее, Алексей стал капитаном Белого Крейсера, что автоматически делало его новым императором Росса. Стоп! Алексей? А может, Алесий? Боже, неужели Вирт привел сюда того, кому суждено стать Собирателем? Ведь разорванную на куски Империю еще предстоит собрать по кусочку, как собирают мозаику. Если, конечно, сейчас действительно Безвременье. Святой Создатель, хоть

бы только он ошибся! Хотя бы только все было не так!

Если вспомнить историю, Алесий Коршун возник словно из пустоты, никто и во времена Вирта не знал из какого мира он родом, откуда вообще взялся и как проник на крейсер, больше двухсот лет не подпуская к себе другие корабли. Просто однажды на орбиту Росса к всеобщему изумлению вышел имеющий капитана Белый Крейсер. Дальше много чего случилось, Вирт не помнил всего в подробностях. Его трясло с каждым мгновением все сильнее – происходило нечто невероятное и невозможное. Однако надо уточнить кое-что.

– Скажите, товарищ капитан... – с трудом выдавил странник. – Не может ли иметь к вам отношение слово «коршун»?..

Алексей довольно странно посмотрел на него, удивленно покачал головой и ответил:

– Может. Но что все это значит? И кто говорил?

– Управляющий мозг корабля. Он признал вас своим капитаном.

По какому-то наитию Вирт понял, что говорить о восшествии на престол его величеству сейчас нельзя – он просто не готов к такому знанию. Все должно произойти само собой, иначе император не исполнит своей миссии. Да, будущего ему знать не нужно. Значит, придется притвориться не помнящим древней истории. Впрочем, и притворяться особо не нужно – что он в действительности знает о том вре-

мени? Только общеизвестное. Появился император, собрал Империю, всех победил. А как это происходило? Почему? Кто был другом, а кто врагом? Этого, к сожалению, Вирт не помнил – хоть он и являлся историком, но специализировался на другом периоде.

Неужели только ради того, чтобы привести на родину Собирателя, его и бросало по мирам и временам? Странник не был уверен в этом. Что ж, через пятнадцать лет все станет ясно – если он правильно понял, то нового перехода не будет. А пока его задача – помочь Алексею. Помочь всем, чем только сможет.

– Правь и славься в веках... – почти неслышно прошептал Вирт. – Есмь право твое и сила твоя...

Глава 2

Выслушав рассказ Виктора, Алексей пришел в недоумение. Он не знал верить во все это или нет, хотя то, что они оказались на космическом крейсере, подтверждало слова странника. Только слишком невероятно звучал его рассказ. Гигантская межзвездная империя? Люди, расселившиеся по десяткам планет? Да и остальное... Надо же, человека больше двухсот пятидесяти лет носит по разным мирам из-за того, что когда-то по дурости влез на заброшенный алтарь. Не хотел бы капитан себе такой судьбы...

– И еще одно, – снова заговорил Виктор. – Я знаю этот корабль, бывал тут, в мое время он находился в музее. Он не мог пребывать в ждущем состоянии, его искин давно демонтирован. Похоже, мы в прошлом.

– В прошлом?! – медленно встал с капитанского кресла Алексей. – Твою же мать!

– Заброшенным Белый Крейсер был только в годы Безвременья, когда Империя распалась, превратившись в конгломерат мелких демократических, псевдосоциалистических, авторитарных и теократических стран, постоянно грызущихся друг с другом, – подтвердил странник. – Насколько мне известно, последний император старой Империи вместе с наследником престола и всей высшей знатью был убит во дворце. После взрыва от дворца уцелела одна башня. Заго-

вор крупнейших промышленников, жаждавших власти. Но никто из заговорщиков не сумел подчинить себе ни единого имперского крейсера – их прежние капитаны тоже погибли во дворце. А без этого оказалось невозможным удержать страну в руках – она развалилась за каких-то десять лет. В Безвременье такое творилось...

Он нервно поежился.

– Лучше бы пролетарскую революцию устроили и социализм построили! – безапелляционно заявил Фельдман, сверкнув стеклышками очков.

– И это было... – криво усмехнулся Виктор. – Только не выжили социалистические страны, пятьдесят-шестьдесят лет продержались, а затем...

Он с досадой махнул рукой и добавил:

– Затем такая вакханалия началась, что на двух планетах половина населения от голода и эпидемий вымерла! Войны постоянные! Этот период не зря называли Безвременьем.

– А нам-то що зараз робити? – хмуро спросил Мыкола.

– Откуда же мне знать? – пожал плечами странник. – Нам еще повезло, что крейсер принял товарища капитана и теперь подчиняется ему. На нем лет триста без особых проблем прожить можно. И не семерым – полный экипаж составляет три с половиной сотни человек. Не считая десантных подразделений.

– Ясно, – Алексей выглядел задумчивым. – Но беда в том, что я ничего здесь не знаю. Даже языка.

– Вы можете приказать искину перейти на русский, – сообщил Вирт. – Ему нетрудно считать язык прямо из вашего мозга. И, кстати...

– Что?

– Хочу попросить, чтобы вы объявили нас членами экипажа, не то нам здесь ни еды не получить, ни жилья.

– Не спеши! – поднял ладонь Алексей. – Давай для начала с языком разберемся. Что нужно сказать этому твоему искину, чтобы он перешел на русский? И что такое искин?

– Искусственный интеллект, – объяснил Вирт. – Машина, способная производить очень сложные математические расчеты максимально быстро. Межзвездная навигация без помощи искинов невозможна – человеческий мозг просто не в состоянии справиться с ней. А что сказать? Повторяйте за мной.

Он вздохнул, поежился и произнес:

– Пересменате громадиве мове на мияше.

Алексей повторил.

– Яко наказашете, мияшо капитанове, – тут же отозвался искин.

– Ты дывы, усе зрозумиты можно, що вин каже... – удивился Мыкола. – Дійсно, мовы дуже схожи. Неначе російська та українська.

– А как меня это в России изумляло... – вспомнил Вирт. – Единственно, до чего додумался – в будущем русские организуют колонию на Россе, а потом что-то случится и о ней за-

будут. Колонисты за много поколений потеряют свои корни и и со временем станут россами, частично сохранив язык и обычаи. У нас же даже масленицу празднуют! Тоже с блинами и катанием на санях. Одна из основных религий – православное христианство, за небольшим отличием. Остальные – те же мусульманство, буддизм и иудаизм.

– Если ты прав, то мы в будущем относительно времени нашего мира, но в прошлом относительно твоего, – нахмурился Алексей.

– Может, и так... – развел руками странник. – Я не знаю!

– Готов к переходу на другой язык, мой капитан, – всех, кроме Вирта, заставил вздрогнуть неожиданно прозвучавший в рубке металлический голос.

– О, «железный истукан» освоил русский, – заметил он.

– Искин, где мы находимся? – резко спросил Алексей.

– На борту Белого Крейсера, флагмана флота Росской Империи, мой капитан.

– Известно ли тебе что-нибудь о планете по имени Земля?

– Нет, мой капитан.

– Ясно... – тяжело вздохнул Алексей. – Что ж, надо будет поспрашивать у ученых-историков.

– Какие будут приказания? – поинтересовался искин.

– Порядок бы навести, а то грязища тут...

– Будет исполнено. Активирую уборочных киберов.

– Люди, находящиеся здесь, входят в экипаж корабля, – Алексей вспомнил о просьбе Вирта.

– Принято, мой капитан, – отозвался искин. – Прошу распределить между ними командные должности.

– Командные должности?.. – почесал в затылке офицер. – А какие есть?

– Первый помощник, главный канонир, главный навигатор, первый пилот, главный инженер, начальник службы быта, – перечислил искин. – Поскольку больше на крейсере людей нет, остальные не называю. Указанные самые важные. Желательно как можно быстрее довести экипаж до списочной численности, иначе невозможно обеспечить нормальное функционирование необходимых служб.

– Это где же мне столько людей взять? – удивился Алексей.

– По прибытии на Росс прикажите Адмиралтейству предоставить, – невозмутимо ответил на риторический вопрос искин.

– Кто там станет слушать мои приказы?.. – насмешливо приподнял брови Алексей. – Кто я такой для них? Ноль без палочки.

– Приказ императора – закон.

– Какого еще императора?

– Вас, мой капитан, – возможно Вирту показалось, но в голосе искина прозвучало ехидство. – Человек, ставший капитаном Белого Крейсера, автоматически становится новым императором Росса. Поскольку на данный момент капитан – вы, Алексей Михайлович Коршунов, то вы же одновремен-

но являетесь и императором Алексеем I. Коронация произведена в момент инициации. Все основные службы Империи уведомлены об этом. Не все отозвались, но Адмиралтейство ответило, как положено.

– Что?! – от такой новости землянин едва не упал. – Да...

Он схватился рукой за горло – перехватило дыхание. После всего случившегося сегодня ничего, казалось, уже не могло удивить Алексея, однако это... Это уже слишком! Ну какой из него, двадцатидвухлетнего мальчишки, император?! Или это у искина шутки такие? Очень хотелось надеяться...

Вирт едва сдержался, чтобы не выругаться – не вовремя искин влез со своей откровенностью. Железный истукан – он и есть железный истукан. Не понимает, что рано еще Алексею знать об этом! Ох, рано... Но ничего поделать странник не мог, тем более, что командир повернулся и требовательно уставился на него. Очень требовательно.

– Ты знал? – глухо спросил он.

– Знал, Ваше величество, – Вирт опустил на одно колено. – Но почему искин назвал вас Коршуновым? Вы же Климко...

– Коршунов – фамилия моего родного отца, а Климко – приемного, – коротко объяснил землянин. – Кстати, ты же спрашивал об отношении ко мне слова «коршун»... Почему?

– Я что-то смутно помню о некоем императоре по имени

Алесь Коршун, – солгал Вирт. – Не вы ли это?

– О, Господи! – Алексея затрясло, остальные бойцы ошарашенно уставились на своего командира.

Усилием воли он взял себя в руки и заявил:

– Никаким императором я становиться не собираюсь! Ноша не по мне!

– И правильно, товарищ капитан! – не смолчал Фельдман. – Мы с вами коммунисты! Нам за права рабочих бороться надо!

– Я, вообще-то, еще комсомолец, – буркнул Алексей, рукавом гимнастерки вытирая холодный пот со лба. – В общем, так. Слушайте приказ. Искин, это и тебя касается! Запрещаю называть меня вашим величеством, императором и так далее. Я – капитан Красной Армии. Все, точка!

– Будет исполнено, – тут же отозвался искин.

– Плюс – капитан этого корабля, – с едва заметной усмешкой добавил Вирт.

– Пусть так, – согласился Алексей. – Но это не отменяет приказа. Нам сейчас надо решать, что делать дальше, а не дурыю маяться. Как думаешь, есть какая-нибудь возможность вернуться домой?

– Очень в этом сомневаюсь... – помрачнел странник. – Боюсь, придется устраиваться здесь.

– А чем мы будем тут заниматься? – поинтересовался Алексей.

– Понятия не имею, – пожал плечами Вирт. – Думаю, най-

дется чем, время покажет. Наверное, вам для начала нужно распределить среди нас должности, указанные искином. И вообще, пора пообедать и отдохнуть. А на досуге подумать. Может, стоит на Росс слетать и поглядеть, что там и как.

– Пообедать? Продуктов у нас маловато...

– Товарищ капитан! – не выдержав, рассмеялся странник. – Прикажите искину накрыть стол на семерых в столовой, синтезаторы крейсера работают, они работали даже через полторы тысячи лет, когда я был здесь на экскурсии.

– Искин, – поднял голову к потолку Алексей. – Он правду говорит?

– Да, мой капитан. Синтезаторы в рабочем состоянии.

– Тогда накрой обед в столовой.

– Спиртное подавать? – поинтересовался искин. – Оно подается только по личному распоряжению капитана.

– Товарищу капитан... – с надеждой посмотрел на командира Мыкола, обрадованный возможности выпить по глотку, чего давно не выпадало. – По тришки...

– Точно, товарищ капитан... – поддержал друга Сергей. – Понемногу можно. После всего этого успокоиться не помещает.

– Ладно! – сдался Алексей, сперва было решивший отказать. – Но не больше, чем по сто грамм на брата! Ясно?

– Так точно!

– Искин, спиртного – семьсот грамм водки.

– Приношу свои извинения, но водки нет, – ответил тот. –

Есть вино, коньяк и крепкие ягодные настойки.

– Попросите нагойский коньяк, – посоветовал Вирт. – Потрясающая штука. Я его только однажды пробовал – бутылка стоила больше, чем я за месяц зарабатывал.

– Хорошо, пусть будет коньяк, – согласился Алексей.

– Стол накрыт, – сообщил искин. – Прошу экипаж пройти в офицерскую столовую.

– А где она? – поинтересовался Ашот.

– Следуйте вдоль этой линии, – на полу возник светящийся зеленый пунктир.

Виктор незаметно усмехнулся реакции друзей – прошедшие огонь и воду бойцы ничем не выдавали своего удивления по поводу всего случившегося, зато явно обрадовались возможности вкусно поесть и выспаться как следует. Да и чему удивляться? Где бы ему ни доводилось воевать, везде было именно так. Того же Мыколу взять – прост-то прост, да только на первый взгляд. А так очень себе на уме. Не говоря уже об Иване – этот вообще мужик хитрый до невозможности, но притворяется послушным дураком, не желая подставляться. Вон как исподтишка все внимательно осматривает, явно делая известные только ему самому выводы. Сережка Перков только выглядит необычно мрачным, не шутит и не балагурит, как всегда. И тоже о чем-то напряженно размышляет, искоса поглядывая на Алексея – его явно поразило то, что искин объявил капитана императором. Остальных двоих странник знал мало, поэтому не мог предсказать

их реакцию. Ашот Каспарян, скорее всего, ничего неожиданного не сделает, рисковать не любит. Зато твердолобый фанатик Фельдман вполне способен преподнести неприятный сюрприз. Придется за ним приглядывать.

Далеко идти не пришлось – столовая, как оказалось, находилась всего в двухстах метрах от рубки. Войдя в широко распахнутые двери, украшенные гербами Империи, земляне оказались в большом зале. Тоже с белыми стенами. В центре буквой «Т» стояли два длинных стола, заставленные десятками блюд. У верхней перекладины находилось только одно кресло, капитанское. По обе стороны нижней еще шесть. За спинкой каждого застыл человек в странного вида черно-белых одеяниях, немного напоминающих смокинги.

– А це ще хто? – положил руку на автомат сержант Шелуденко, остальные тоже настороженно замерли возле входа.

– Это не люди, – поспешил успокоить их Вирт. – Киберы. Машины. Они много кем могут быть, сейчас в них загружена программа официантов. Понимают и хорошо исполняют приказы, но сами говорить не умеют. Бояться их нечего – не боевой кибер не способен причинить вреда человеку. Знаменитые три закона кибертехники Азима не позволят. Хотя почему эти законы так называют и кто такой Азим я понятия не имею.

– Зачем их тогда сделали похожими на людей? – удивленно спросил Фельдман.

– Да черт их знает! – пожал плечами странник. – Они са-

мой разной формы бывают.

– Давайте уж за стол, – недовольно буркнул Иван Муряннин, сглотнув слюну. – Пахнет-то одуряюще, кишки от таких запахов в клубок свернуться могут!

– Точно, – усмехнулся Алексей, садясь во главе стола. – Прошу!

Бойцы быстро расселись, голодными глазами смотря на непривычное изобилие. Чего только не было на столе перед ними! Всего хватало, знакомых и незнакомых блюд. В центре виднелась высокая стопка неестественно одинаковых блинов и глубокие миски с разного вида варениками. Вирт сразу обратил внимание на посуду и покивал своим мыслям – знаменитый императорский гербовый сервиз. Серебряный, разумеется. В Росской Империи, в отличие от Земли, золото не ценилось – технический металл, зато серебра было очень мало, да и то добывалось в поясах астероидов. Оно и служило денежным эквивалентом.

Бутылка со спиртным на столе стояла всего одна, как и просил Алексей, зато других напитков хватало – соки, морсы, несколько сортов кваса и многое другое. Киберы налили каждому понемногу коньяка в серебряные стаканчики, и бойцы встали.

– Ну, будем! – проглотил ароматный коньяк капитан, остальные последовали его примеру. – И в самом деле чудо...

– По мне, так водка лучшее... – не согласился Иван Му-

рянин, садясь. — Что пил, что не пил...

Он положил себе в тарелку что-то мясное с ближайшего блюда и с удовольствием принялся за еду.

— О, борче! — обрадованно потянулся к парящей супнице Вирт.

— Може, борщ? — переспросил Мыкола.

— У вас это называется борщ, — согласился странник. — А у нас — борч или борче. Я уже говорил, что даже традиционные блюда в России и Россе одинаковые, только называются по-разному.

Он наполнил половником свою тарелку и с наслаждением принялся хлебать борщ. Сержант Шелуденко налил себе того же.

— Неначе моя маты варыла! — изумился он после первой же ложки. — До чога ж смачный борщ!

Алексей отдал должное пельменям и вареникам с чем-то незнакомым, но очень вкусным. Он пробовал то одно, то другое, удивленно покачивая головой — никогда не доводилось видеть столь роскошного стола. Это что же, на крейсере каждый обед таким будет? Зря, бойцы могут разбаловаться и начать привередничать. Придется, пожалуй, приказать искину, чтобы подавали три блюда, не больше, пусть каждый день и разные. А роскошь лучше оставить для праздников, нельзя в будни увлекаться застольями.

Капитан все еще пребывал в растерянности из-за всего случившегося и не знал, что ему делать. Оказался непонят-

но где и когда, на борту межзвездного крейсера. А дома – война! Его долг – вернуться и воевать до победного конца. Не хотел Алексей становиться дезертиром, но выбора, похоже, не имел. А тут еще и шокирующие откровения искина об императоре. Даже думать о такой чуши не хотелось! Однако придется – Вирт подтвердил, что капитан Белого Крейсера – император Росса. Но где этот самый Росс находится? И главное – когда? Слишком похож язык, обычаи, даже блюда – пельмени, вареники, борщ, блины. Это не может быть случайным совпадением, никак не может. Слишком много этих «совпадений». Видимо, Росс – тоже Россия, только в далеком будущем. Но почему тогда в Империи не помнят о своих корнях? Не помнят о Земле? Странное что-то во всем этом. Слишком странное.

– Теперь займемся временным распределением должностей, – сказал Алексей, когда все насытились. – Значит так, ребята. Похоже, мы оказались в будущем. Я не уверен, что нам удастся быстро вернуться домой, хотя буду искать, как это сделать. А пока придется жить здесь. Виктор прав, нам очень повезло, что крейсер признал меня капитаном. Мы могли оказаться на том же Россе, не зная там ничего и никого.

– Вполне могли, – подтвердил странник. – Меня куда только не заносило. Ни языка местного не знал, ни чего вообще ждать. Сейчас мы совсем в ином положении. Одолеть Белый Крейсер нелегко, целый флот для этого понадобится, а его

поди собери – мы пока в относительной безопасности. Но всем вам надо будет изучить русский язык – это очень легко, в ментоцентре шлем на голову надеваете – и через два часа он становится как родной.

– Вот как? – приподнял брови капитан. – Далеко тут наука вперед ушла...

– По сравнению с Землей? – усмехнулся Вирт. – Вы даже не представляете насколько далеко. Одни синтезаторы, навсегда избавившие человечество от голода, хоть взять. Но...

Он скривился, обреченно махнул рукой и добавил:

– В Безвремяе даже синтезаторы не помогли, их тогда еще слишком мало было. Расхватали самые богатые и хищные. Вымирающий от голода народ этих тварей не интересовал...

– А революция? – возмутился Фельдман. – Почему народ не восстал?!

– Были и революции, – отмахнулся странник. – Я, кажется, уже говорил об этом. Но ни одна не привела ни к чему хорошему. Социалистические режимы выживали только пока имели очень жестких правителей наподобие вашего товарища Сталина. А как только приходили более слабые – рушились.

– Мы обязаны принести угнетенным рабочим единственно верное учение Ленина-Сталина! – вскочил студент.

– Сядь! – оборвал его Вирт. – Откуда ты взял, что в Россе этого учения не существует, мальчишка? Существует, даже

более развитое, чем у вас. Кстати, в Империи моих времен очень многое из коммунистического учения использовано. В государственном устройстве. Если разобраться, то население имеет куда больше прав, чем при демократии. У него нет только правадохнуть от голода и холода – основополагающего права демократии! Империя, понимаете ли, обеспечивает людей жильем и пропитанием. Бесплатно!

– Бесплатно? – изумился Фельдман. – Разве так бывает?..

– Видимо, бывает, – вмешался в спор Алексей. – Не время об этом говорить. Искин, повтори какие должности необходимо заполнить.

– Первый помощник, главный канонир, главный навигатор, первый пилот, главный инженер, начальник службы быта, – отозвался тот с потолка. – Для навигатора крайне желательно знание высшей математики, особенно, топологии.

– Михаил? – посмотрел на Фельдмана капитан.

– Ну-у-у... – растерянно поправил дужку очков тот. – Топологию я изучал, но не могу сказать, что знаю ее на «ять»... Я больше в дифференциальном исчислении специализировался...

– Другие и того не знают, – отмахнулся Алексей. – Искин, слушай приказ. Главным навигатором крейсера назначается Михаил Исаакович Фельдман.

– Зафиксировано. Программа первичного обучения сгужена в инфохранилище ментоцентра.

– Мыкола, ты вроде на гражданке трактора в МТС ремон-

тировал? – повернулся капитан к Шелуденко.

– Так точно! – кивнул тот.

– Вот и хорошо, будешь главным инженером.

– Та вы що, товаришу капитан?! – оторопел сержант. – Та хибя ж трактор и оце, – он повел рукой вокруг, – одне й те ж?! Що я в цьому розумию?!

– Ничего, разберешься, – заверил Алексей, с трудом сдерживая улыбку, слишком уж вытянулось лицо украинца.

– Ну, як скажете...

– Вот и хорошо. Начальник службы быта... Это завхоз, что ли? Наверное. Тогда лучшей кандидатуры, чем Иван, я не вижу. Человек хозяйственный, не позволит добро без толку транжирить.

– Это точно, – расплылся в улыбке мордвин.

– Значит, решено. Искин, ты фиксируешь?

– Да, мой капитан! – без промедления отозвался тот.

– Кстати, а почему ты называешь меня не просто «капитан», а «мой капитан»? – поинтересовался Алексей.

– Это моя привилегия, – пояснил искин. – Так принято испокон веков. Еще право таким образом называть императора имеют его личные вассалы, которых обычно не более двадцати-тридцати. Любой другой, если осмелится, отправляется прямиком на плаху.

– А можно мне пилотом? – встал Сергей Перков. – Всегда летать мечтал, да не получилось выучиться...

– Отчего же нет? – пристально посмотрел на него Алек-

сей. – Раз хочешь, значит будешь. Виктор, как самый знающий, назначаешься первым помощником.

Странник кивнул.

– Остается главный канонир, – капитан перевел взгляд на Ашота. – Кандидатура одна. Берешься?

– А куда я денусь? – проворчал армянин. – Еще б знать, что тут за пушки...

– Необходимая информация в данный момент находится в инфохранилище ментоцентра, – сообщил искин. – После отдыха члены экипажа смогут загрузить ее себе в память. До отдыха делать этого не рекомендуется – очень большая нагрузка на мозг.

– Ясно, – встал Алексей. – Тогда всем спать. Искин, прошу обеспечить место для сна.

– Каюты высшего командного состава находятся напротив столовой, – отозвался тот. – Они подготовлены для проживания людей.

Ничего не сказав, капитан двинулся к выходу, остальные потянулись за ним, негромко переговариваясь – слишком много оказалось впечатлений для одного дня, никто не знал, что и думать. Напротив столовой действительно располагались десятка два круглых дверей, скорее даже люков, на каждом было что-то написано по-русски. Однако на семи ближайших дверях надписи оказались русскими.

– О, ты гля... – остановился возле одной двери Мыкола. – Мое имъя напысано... А як вийты?

– Приложите руку к сенсору в виде ладони, господин главный инженер, – проинформировал искин. – Кроме вас, в каюту не сможет войти без приглашения ни один человек. Кроме, естественно, капитана – он имеет полный доступ в любой отсек крейсера.

– Зрозумив, – кивнул сержант, прикладывая руку к сенсору.

Дверь стала прозрачной, а затем исчезла. Мыкола вошел внутрь, но долго там не пробыл, вывалившись обратно в коридор. С совершенно круглыми глазами.

– Щоб я сдох! – выдохнул он. – Ну чисто тобі панськи хоромы!

– Ничего, – рассмеялся Алексей. – Надо же когда-нибудь и простым людям в таких отдыхать. Привыкай. Ты теперь главный инженер, а не сержант.

– Воно-то так, – почесал в затылке украинец. – Тилькы... Добре, пишов я тоди спаты. Зовсим очи злыпаються.

Остальные тоже не стали терять времени, найдя свои каюты. Из открытых дверей вскоре послышались изумленные возгласы. Только Виктор промолчал, чему Алексей ничуть не удивился – страннику, наверное, такое не в диковинку. Он отыскал каюту со своим именем на двери и приложил руку к сенсору. Войдя внутрь, капитан ошеломленно замер – действительно, невероятная роскошь. Весь пол покрыт мягким ковром. Мебель схожа по цвету и форме. Ничего яркого или аляповатого, все подобрано со вкусом – вкус мать ему при-

вить все-таки сумела.

Не став ничего осматривать, время для этого еще найдется, Алексей прошел в спальню, быстро разделся и свалился на огромную кровать. Как давно он не спал на чистых простынях! Помыться бы еще, но сил не осталось ни на что. Капитан закрыл глаза и мгновенно уснул – как в прорубь провалился.

* * *

Вошедший в приемную адмирала флота Шемича начальник флотской разведки, генерал Мирко Таркович, сильно удивил своим появлением секретаря, капитана второго ранга. Обычно главный разведчик сиднем сидел в своем офисе, как паук в паутине, ежедневно отправляя командующему флотом информационные сводки. Но личный визит? Должно было произойти нечто из ряда вон, чтобы такое произошло. Не теряя времени, секретарь связался с Шемичем и доложил о необычном госте.

– Зови, – после недолгого молчания отозвался адмирал.

Таркович вошел в кабинет и наклонил голову.

– Здравствуй, Олег, – негромко сказал он.

– И тебе здоровья, Мирко, – ответил Шемич. – Чем занят?

– Есть кое-что, – как-то непонятно усмехнулся Таркович, садясь. – Весьма неожиданное и, возможно, радостное. Я

еще не знаю, как к этому относиться.

– Вот как? – нахмурился адмирал. – Что там опять на наши головы свалилось?

– Император, – криво усмехнулся генерал.

– Не понял... – растерянно уставился на него Шемич. – Какой еще, поленом по лбу, император?..

– Самый обычный, – вздохнул глава разведки. – Как ты знаешь, основной командный центр Адмиралтейства почти не модифицировался со времен Империи. Секретные протоколы связи тоже остались прежними, разве что шифр новый ввели.

– И что?

– А то, что несколько часов назад мы получили сообщение от искина Белого Крейсера. Стандартное сообщение о вступлении в должность нового капитана, подтвержденное по всем правилам.

– А-а-а... – адмирала затрясло от такого известия. – Н-но эт-то ж-же...

– Вот именно, – резко кивнул генерал. – На престол взошел законный император. Некий Алекс... Алесий Коршун-о-ов. Коршун, в общем.

– Весело... – протянул Шемич, неверяще глядя на собеседника. – Это не утка?..

– Нет, – в глазах Тарковича горел нездоровый азарт. – Мало того, мне сообщили, что шар на вершине единственной уцелевшей башни императорского дворца горит белым све-

том, как в старых сказках. Так что население столицы знает о коронации.

– Империи давно нет! – грохнул кулаком по столу адмирал. – Двести лет, как нет! Вместо нее...

– Вот именно, что вместо нее больше сотни слабых, крохотных странишек! – с презрением выплюнул глава разведки. – Ни на что не годных! Нашу Федерацию хоть взять... Это страна? Это дерьмо собачье, а не страна! И ты об этом хорошо знаешь.

– Знаю... – понурился Шемич. – Но деваться-то некуда.

– А что, если Создатель дал нам шанс? – прищурился Таркович. – Ведь Федерация на грани распада, «демократы» рвут ее на куски, лидерам партий власти хочется, чтобы карманы за чужой счет набить. Сколько еще продержится наша страна? Помнишь выкладки аналитиков?

– Месяц-другой, не больше, – тяжело вздохнул адмирал. – Первой, скорее всего, заявит о своем суверинетете Тиркана. Затем Лагос. А после них и остальные...

– В том-то и дело, – угрюмо посмотрел на него глава разведки. – До сих пор хоть одна планета бывшей Империи единой оставалась – Росс. Теперь и она собралась распадаться... Каждая камарилья политиканов жаждет единолично править! Так может лучше поддержать императора? Может, он не позволит развалить страну?

– А ты знаешь, кто такой этот Алесий Коршун и на что он вообще годен? – устало спросил Шемич. – Вдруг это просто

авантюрист, чудом пробравшийся на борт?

– И это возможно, – не стал спорить Таркович. – Но я готов за соломинку ухватиться. В прошлом, насколько я знаю, искин Белого Крейсера редко ошибался.

– Как же, редко, – криво усмехнулся адмирал. – Ты последнего императора вспомни. Только о развлечениях и думал, скотина! А страну профукал...

– Это, конечно, так... – устало потер виски глава разведки. – Но того императора избрал не искин Белого Крейсера, а искин дворцового комплекса. Владек на БК вообще ни разу не бывал. Ладно, впрочем, это дело прошлое, а нам сейчас выжить нужно.

– Нужно, – согласился Шемич. – И это очень непросто. Ты, Мирко, забываешь, что никто из наших дорогих «демократов» власти просто так не отдаст. Будут вопить о «свободных выборах» и «волеизъявлении народа», гадя изо всех сил. Многие почему-то им верят...

– Не многие! – возмутился Таркович. – Совсем не многие! На выборы едва пятнадцать процентов населения ходит! Однако эти псевдовыборы все равно объявляют легитимными. Будто не знаешь.

– Знаю, – скривился адмирал. – Не хуже тебя знаю. Но поддержать неизвестно кого? Извини, я еще не сошел с ума.

– Да ты погляди, что на улицах творится! – рывнул, вставая, глава разведки. – Погляди! Включи любой новостной канал головидения.

– Зачем? – удивился Шемиц.

– Зачем? Я же говорил тебе, что шар на вершине дворцовой башни загорелся белым! Думаешь, люди не помнят, что это означает? Еще как помнят! Об Империи в последние годы с такой ностальгией говорят и пишут, что... От профессоров до дворников. Люди устали от либерастического бардака!

Ничего не говоря, адмирал дотронулся до одного из сенсоров на небольшом пульте. Стена напротив превратилась в голоэкран, на котором появилась заполненная народом улица. Шемиц сразу узнал ведущий к остаткам императорского дворца проспект Михайлы III Освободителя в бывшей столице Росса, Сант-Владибурге. Люди что-то кричали, обнимались, бросали вверх шапки и шляпы, танцевали и аплодировали. А впереди пылал ярким белым светом шар на вершине императорской башни, как называли ее в просторечии. В нескольких местах некие ораторы что-то вещали с импровизированных трибун, но их никто не слушал. Сквозь рев народа адмирал различил надрывный визг одного из них, стоящего на парапете набережной:

– Мы свободные люди! Нам не нужно никаких императоров! Голосуйте за нашу партию!

– Да заткнись ты, гнида! – сдернули его с парапета несколько явных работяг, судя по виду, и от души отпинали ногами.

Картины сменяли на экране друг друга, адмирал видел

разные города планеты, но везде происходило то же самое. Сообщение о неожиданной коронации нового императора катилось по Россу, как цунами. После двухсот лет перерыва! После распада страны, голода, отчаяния и безнадежности! У людей впервые за последние двести лет появилась надежда. Не у всех, конечно, для многих, особенно из власть имущих, именитых и богатых, появление императора означало потерю всего – он не простит откровенного грабежа и бесчисленных преступлений.

Журналисты радовались сенсации, все издания вышли с кричащими заголовками, все каналы головидения говорили только об одном. Каких только предположений они ни строили, каких только выводов ни делали. На любой вкус. Издания разных партий в один голос утверждали, что императором стал их лидер, ибо только его власть легитимна, только он ее достоин. И одновременно призывали голосовать за них.

– Святой Создатель... – растерянно сказал адмирал, глядя на всю эту вакханалию.

– Дерьмократия во всей ее красе, – цинично умехнулся глава разведки. – Нравится?

– Кому такое может понравиться? – гадливо скривился Шемиш. – Разве что придурочным либералам. Но что-то все это вызывает у меня настороженность...

– Почему?

– Ты еще спрашиваешь? – пристально посмотрел на него

адмирал. – Не то ли это, о чем я думаю?

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно прищурился Таркович.

– А вот что... – и адмирал негромко произнес кодовую фразу.

– Та-ак... – невнятно промычал глава разведки, ответив нужным образом. – Так ты тоже из наших?.. Вот уж не думал...

– Не из ваших, – возразил Шемич. – Я просто в курсе дела и не мешаю вам, хотя мог бы. Преуспеете – помогу всем, чем смогу, бардак в стране мне давно надоел. Но только если преуспеете! Кандидатура претендента на престол меня вполне устраивает, человек умный и опытный, справится. Повторяю вопрос: это оно? Вы сумели доставить своего кандидата на Белый Крейсер? Тогда почему имя императора – Алесий Коршун, а не?..

– Увы... – закусил губу Таркович. – Случившееся для нас не меньшая неожиданность, чем для кого-либо другого. Этот самый Алесий взялся из ниоткуда и никто не знает, кто он такой.

– Тогда я ничего не понимаю... – растерялся адмирал.

– Я тоже, – устало потер виски глава разведки. – Все произошло именно так, как я говорил. Пришло сообщение с Белого Крейсера, инфоцентр Адмиралтейства принял его и ответил положенным образом. Беда в другом: наши низовые и средние звенья восприняли коронацию, как сигнал начала

действий, и уже сделали первые шаги. А мы пока не готовы. Все должно было начаться не раньше, чем через два месяца, после того, как парламенты четырех материков объявят о предстоящем распаде Федерации.

– Весело... – поежился Шемиц, растерянно глядя на старого друга. – А это не может быть их провокацией?..

Он покосился на окно, из которого виднелось здание Парламента Тирканы.

– Не думаю, – отрицательно покачал головой Таркович. – Но я вынужден действовать, иначе все выйдет из-под контроля. В этом случае на Россе демон знает что начнется...

– Не сомневаюсь, – скривился адмирал. – Но неизвестный авантюрист в императорах...

– Деваться некуда, – помрачнел глава разведки. – Ты знаешь, что мы планировали обойтись без Белого Крейсера, ввести иной порядок коронации, но теперь это невозможно. Народ в курсе, что новый император коронован искином БК. Любая другая кандидатура будет в его глазах нелегитимной, люди потребуют доказательств – того же Белого Крейсера на орбите Росса, не говоря уже обо всем остальном. Поэтому придется рискнуть и помочь Алесию Коршуну, назад отыграть невозможно, в действие приведены такие силы...

– Ясно... – помрачнел Шемиц. – Что ж, это твой выбор. Но хочу сразу сказать, что поддерживать незнамо кого я не стану. Извини. Известного тебе человека поддержал бы, но этого... Нет. Однако нейтралитет обещаю. Ты, насколько пони-

маю, поддержишь Коршуна? Может все-таки лучше убраться и объявить военную диктатуру?

– Мои взгляды тебе давно известны, Олег, – внимательно посмотрел на старого друга Таркович. – Да и не сделать теперь того, о чем ты говоришь – нелегитимно. Я считал и считаю, что спасти Росс может только император. Жесткий и сильный император. Законный император. И такому я буду помогать изо всех сил.

– Такому – да! – во взгляде Шемича появилась грусть. – Известный тебе человек именно таков, хоть он и не законный. А вот Алесий Коршун – неизвестная величина. Почему ты думаешь, что он справится?

– Только надеюсь, – тяжело вздохнул глава разведки. – Однако кое-что на всякий случай предприму заранее, хоть и не совсем так, как изначально планировалось. По крайней мере, самых опасных и влиятельных политиков и олигархов устраню. Они способны помешать, если поймут, что происходит. А они поймут – сволочи, но далеко не дураки.

– Думаешь, стоит? – откинулся на спинку кресла адмирал. – СБ работает на них, там быстро выяснят, кто стоял за их смертью. Тебя после этого с дерьмом смешают. А возможно, и всех вас вычислят. Тогда «демократы», если будут действовать жестко, справятся с ситуацией. Большой кровью, но справятся.

– Не успеют! – зло оскалился глава флотской разведки. – Ничего они толком не успеют. Особенно, если сработать

очень быстро, оставляя эсбешникам только обрывки информации. Понимаешь, у меня наконец-то появилась надежда, что что-нибудь в Россе изменится. Пусть какой угодно, но один император вместо своры ворья. Поэтому я сидеть на месте не стану, я буду действовать, чтобы помочь ему реально взять власть. Пусть он и не тот, кого мы планировали возвести на престол.

– Повторяю: твой собственный выбор! – отрезал Шемич. – И твоя ответственность. Мешать не стану. Только, извини уж, в случае чего открещусь от любых твоих действий и от тебя самого. Причина тебе известна. Если вместо меня на флот поставят хотя бы Мировина, то...

– Не дай Создатель! – побледнел Таркович. – Этот все погубит. Продажная тварь.

– В том-то и дело. Потому еще раз прости, но помогать тебе я не буду. Да и императора, как уже говорил, поддерживаю только в том случае, если он чего-то стоит.

– Сам справлюсь. Ты главное не позволь флот раздергать по отдельным регионам.

– Постараюсь, – кивнул адмирал. – Меня давно донимают визитами посланники от самых влиятельных партий четырех материков. Каждый уговаривает, чтобы флот либо полностью перешел на их сторону, либо разделился. Взятки предлагают. Приходится брать, чтобы не вызвать подозрений. Они окончательно решили развалить Федерацию и разбежаться по разным углам.

– Знаю!.. – разъяренно прошипел глава разведки. – Через два месяца соберались объявить об этом! Ничего, я уже сегодня начну отстрел лидеров основных партий. «Демократам» быстро станет не до нас – внутрипартийные разборки, власть делить будут. После гибели очередного лидера мои люди подбросят каждому из высокопоставленных партийных функционеров информацию о том, что в убийстве замешаны его конкуренты. Пусть грызутся между собой.

– Неплохо, – усмехнулся Шемич. – Но не забывай про СБ, там работать умеют – быстро разберутся, кто за всем этим стоит. А эсбешникам нынешний бардак почему-то выгоден. Я не понимаю чем, но факт остается фактом.

– Есть у меня кое-какие подозрения, но их вначале проверить нужно, а затем только озвучивать, – буркнул Таркович. – Что ж, Олег, не буду больше тебе надоедать. Любую новую информацию ты получишь первым.

– Погоди минуту. Где сейчас Белый Крейсер? Это известно?

– В последний раз его видели месяц назад с борта иратского транспортника «Валдай». В двенадцати световых годах от Ирата. Где он теперь знает только Создатель. К сожалению, засечь императорский крейсер, если он того не хочет, невозможно. Однако я вскоре выясню координаты – его маршрут известен.

– Ясно, – потер висок адмирал. – Что ж, остается только ждать развития событий.

– Тебе, – многообещающе усмехнулся глава разведки. – А у меня много работы. До свидания, Олег!

– Бывай, Мирко, – Шемич проводил старого друга взглядом. – Не кашляй.

Адмирал после ухода старого приятеля еще долго сидел и размышлял о том, что необходимо предпринять в первую очередь. Коронация нового императора ломала планы очень многих имеющих влияние, и все эти высокопоставленные господа будут крайне недовольны. Они ведь считали, что Империя давным давно канула в лету. Вскоре можно ожидать множества посланников. Придется лавировать между ними, убеждая каждого в своей поддержке, а на самом деле консолидировать флот, осторожно проверяя настроения офицеров. Младшие бредят императором, а вот старшим есть что терять в случае его реального воцарения. Однако и среди них есть разные люди с разными взглядами.

Вздыхнув, адмирал с отвращением покосился на сейф, наполовину забитый конвертами с подношениями, к которым он никогда не прикасался, разве что изредка использовал их для премирования достойных того офицеров. Как надоело притворяться продажным... Но деваться некуда, если хочет сохранить флот единым. Не брал бы, так на его место давно бы поставили кого-нибудь более сговорчивого. И что тогда было бы? Известно что – политики раздергали бы флот по кускам. Давно орут, что каждый субъект Федерации должен иметь свои боевые корабли, а не полагаться на федератив-

ные. Как будто неясно, чего они на самом деле хотят...

Шемич встал, повернулся к висящей в углу иконе и помолился, от всей души пожелав незнакомому ему Алесию Коршуну всяческой удачи.

* * *

Воздуха осталось на сутки, не более. Надежды, что спасательную шлюпку без двигателей найдут за это время, не было никакой – они в стороне от торговых трасс, да еще и в системе Гонхас, где россов спасать никто не станет. Слабенький передатчик постоянно передавал сигнал бедствия, но чем это могло помочь? Двое выживших после нападения пиратов старались поменьше двигаться и пореже дышать, чтобы экономить воздух.

– Слушай, Гилек, а может откроем люк, чтобы не мучиться? – глухо спросил Умар. – От удушья умирать долго...

– Давай погодим чуток, – ответил второй пилот погибшего грузовоза «Виднокрай». – А вдруг?

– Что «вдруг»? – горько усмехнулся бортовой врач. – Мы же специально этой дорогой двинулись, чтобы на пиратов не напороться. А они здесь и поджидали... Другие вольные капитаны в астероидный пояс не сунутся, это только наш Хортид таким «умным» оказался...

– Все-таки не будем спешить, – вздохнул Гилек. – Помереть всегда успеем. Как ощутим, что задыхаемся, так и от-

кроем люк.

– Ладно, пусть так, – согласился Умар.

Посмотрев на него, второй пилот удивленно покачал головой. Его и до сих пор интересовало, каким образом уроженец далекого Синтара оказался на русском корабле. Даже имя его, не говоря уже о внешности – светловолосый, смуглый и черноглазый, странно звучало для русского уха – Умар ос Хро-Грар. Это во времена Империи жители разных планет перемешивались, а нынче увидеть инопланетянина можно было довольно редко.

«Виднокрай» курсировал между Россом и самым крупным государством планеты Гонхас, Окрайной. Шесть световых лет, на большее их древний корабль был неспособен, да и это расстояние он со скрипом проходил за две недели, тогда как современный транспортник преодолевал его за три дня. В Окрайне россам нежелательно было появляться в городах и поселках, чтобы не напороться на толпу «сознательных», очень не любящих уроженцев бывшей метрополии – они обычно поджидали за воротами космопорта. Насмерть забывают, если поймают. Они ведь даже язык свой выдумали, чтобы только отличаться от остальных. Так, по крайней мере, считал Гилек. Как ему казалось, вполне обоснованно – в Империи испокон веков говорили только на русском. Были у кое-кого свои языки и наречия, но официально их не признавали.

Однако простые окраины, не относящиеся к «сознатель-

ным», с тоской вспоминали времена Империи – Гилеку не раз говорили об этом техники и таможенники, которые охотно общались с россами, невзирая на официальную пропаганду. К сожалению, власть находилась в руках «сознательных», люто ненавидящих метрополию. По непонятным, надуманным причинам. Они целенаправленно воспитывали население в ненависти к Россу, с детства, только это не слишком у них получалось – люди предпочитали думать своими головами, а не слушать трескучую официальную демагогию. А уж чего только не выдумывали местные «ученые», чтобы оправдать поведение власть имущих... В какой-то местной газетенке второй пилот однажды даже прочел утверждение, что все народы вселенной произошли от «древних окров», а поэтому обязаны признавать главенство «Великой Окраины». А кто не признает, тот враг «прогрессивного человечества». Смешнее всего, что страна была нищая и слабая, и это при таких-то амбициях.

Несмотря на вражду, торговать с Россом Окрайна не прекращала – выгода перевешивала ненависть. Периодически, правда, ее правительство начинало войны, длившиеся очень недолго – Федерация, в отличие от многих других, большей частью сохранила имперский флот и даже изредка строила новые боевые корабли. Разгромить наспех вооруженные лоханки Окраины для русских адмиралов труда не составляло. После очередного поражения окраины в ужасе затаивались на своей планете, ожидая оккупации и неизбежного возмез-

дия. Однако Федерации такая головная боль была совсем ни к чему. Поняв, что никто их завоевывать не собирается, «сознательные» тут же громогласно заявляли о своей «победе» и начинали готовиться к новой войне.

В последнее время они стали применять новую тактику – торговые трассы заполнили бесчисленные пиратские рейдеры. Правительство утверждало, что никакого отношения к ним не имеет, но никто в это не верил. Впрочем, может и так – оно в своей стране мало что контролировало. Полная анархия. Дело дошло до того, что государства внешних миров – Тарая, Ирата, Ортая и Нагоя – просто прекратили торговлю с Гонхасом. Планете, практически не имеющей собственной промышленности, – «сознательные» все порушили, а построить новые производства ума не хватило – пришлось очень нелегко. Однако они не унимались.

Капитан-владелец «Виднокрая» и рад был бы торговать с кем-то другим, не слишком рискуя, но его древняя лоханка просто не долетела бы до внешних планет. Ближайшая из них, Аралан, находилась в целых двенадцати световых годах от Росса. Вот Хортид и продолжал торговлю с Окрайной, не имея иного выхода. Только каждый раз менял маршрут. Увы, это не помогло, выследили в конце концов.

Грузовоз атаквали, когда он еще не успел уйти в гиперпространство, на границе системы. В отчаянии капитан попытался скрыться в поясе астероидов, но далеко не ушел – несколькими меткими выстрелами бортовых орудий пират

разбил «Виднокраю» стабилизационные решетки гипердвигателя. А затем высадил призовую партию, которая вырезала всех оставшихся на корабле. Кое-кто из экипажа попытался уйти на спасательных шлюпках, но их безжалостно расстреляли. Только одна чудом уцелела, однако была повреждена – дюзы превратились в комок смятого металла. Добивать ее не стали – оказать выжившим помощь во враждебной системе некому, сами подохнут, незачем тратить на них дорогие торпеды.

В этой шлюпке и находились второй пилот и бортовой врач, Гилек Томич и Умар ос Хро-Грар. От отчаяния они включили передатчик на передачу сигнала бедствия, отлично понимая, что это бесполезно. Из приемника еще долго доносились насмешливые советы окраинских пиратов на малопонятном суржике. Каких только гнусностей они не наговорили обреченным людям...

– Гилек, глянь, что это... – вдруг оживился Умар, уставившись на экран гравилокатора.

Второй пилот тоже с надежной посмотрел на экран, где неожиданно появилась новая отметка – какой-то корабль приближался к внешним планетам системы. И не в гиперре, что было необычно. Гилек быстро понял, что видит, и снова по-нурился, буркнув:

– Серый крейсер...

– Да нет, он побольше, – заметил Умар, вглядываясь в экран. – Ой-йо! Это же сам Белый Крейсер!

– А нам что с того? – с горечью спросил Гилек. – Будто не знаешь, что он пройдет мимо...

– Пройдет, – вздохнул врач. – Эх, как жаль, что Империи больше нет... Разве в ее времена такое было возможно?

– Нет, понятно, – проворчал второй пилот. – Император бы быстро всех этих «сознательных» к стенке поставил.

Он тяжело вздохнул, глядя, как величественный бело-снежный корабль проплывает мимо в нескольких миллионах километров. Все двести лет после падения Империи и Белый, и серые крейсера в автоматическом режиме курсировали по бывшей территории страны, не подпуская к себе никого. По замкнутому маршруту, от планеты к планете, практически не используя основные двигатели. Если любой другой корабль подходил к ним на дистанцию поражения, они тут же атаковали. Так погибло немало авантюристов, пытавшихся наложить руку на лучшие боевые крейсера Росской Империи. Их чудовищные орудия легко превращали корабли наглцов в хлам, а защитные поля казались неуязвимыми. Гигантские крейсера обычно следовали своим курсом, никогда не меняя его и не обращая ни на кого внимания, если им не досаждали. В ином случае без промедления открывали огонь. Лет десять понадобилось людям, чтобы понять: при виде имперского крейсера надо уносить ноги, используя для этого все ресурсы двигателя, если хочешь остаться жив. А особенно – при виде Белого Крейсера.

Ходили слухи, что несколько раз флоты самых разви-

тых стран пытались уничтожить гигантские корабли, главное внимание уделяя императорскому – видели в них опасность для себя. В двух случаях офицеры атакующей армады просто отказались стрелять по Белому Крейсеру, а еще в трех он без особых проблем справился с нападающими, после чего исчез на несколько лет, явно отправившись на какую-то секретную базу ремонтироваться. Но было ли это на самом деле? Или это всего лишь слухи? Никто не знал, а Адмиралтейства и Министерства Флота своими секретами с населением делиться не собирались.

Гилек знал о временах Империи только из книг, слишком много лет прошло с тех пор, люди столько не живут. Трудно представить, что когда-то все девять планет, на которых ныне расплодилось больше ста государств, когда-то составляли одну гигантскую страну. В прежние времена Росс постоянно воевал с Карханским Объединением, демократией, которая страстно мечтала уничтожить старого врага. Этого карханцы не добились, однако сумели каким-то образом развалить Империю. Только это им не помогло – из-за экономического кризиса Объединение и само распалось через тридцать лет после Росса. На его территории, по слухам, сейчас вообще страшное творится. По крайней мере, ни одного торгового карханского корабля не приходило в Федерацию уже больше пятидесяти лет.

Зато армады желающих поживиться чужим добром налетали из Кархана постоянно, добираясь иногда и до само-

го Росса – поэтому Федерация и содержала боевой флот. Особенно страдали от нападений самые дальние, окраинные планеты бывшей Империи – Ортай, Нагой и Ларат. Труднее всего приходилось последнему – не было года, чтобы карханцы не нападали на него раза три-четыре. Планета была крайне военизирована, жила на полном самообеспечении, ошестинившись во все стороны бесчисленными пространственными станциями, имела огромные флоты и почти ни с кем не поддерживала дипломатических отношений. Да и торговала мало. Поговаривали, что на Ларате в свое время осела бывшая военная элита Империи и преобразовала его под свои нужды. Что там происходило в реальности на Россе не знали, приходилось довольствоваться слухами.

– Внимание терпящим бедствие! – внезапно зазвучал из динамика незнакомый голос, говорящий по-русски с едва уловимым акцентом. – Слышим вас. Идем на помощь. Полчаса продержитесь?

– Продержимся! – обрадованно выдохнул Гилек, переглянувшись с Умаром. – Спасибо! Кто вы?

– Капитан Белого Крейсера Алексей Коршунов, – ответил голос.

– Кто?! – в один голос выдохнули выжившие, ошалев от такого известия.

– Капитан Белого Крейсера, – повторил голос.

Уставившись на экран гравилокатора, второй пилот и бортовой врач погибшего «Виднокрая», не веря своим глазам,

смотрели на невероятную, непредставимую, сводящую с ума картину. Белый Крейсер впервые за последние двести лет замедлял ход и менял курс! Такого просто не могло быть, но было. И значить это могло только одно. У Росса снова есть император.

Глава 3

Гилек с Умаром с широко распахнутыми глазами шли по пустому белому коридору, следуя за светящейся зеленой линией, указывающей направление. Они ожидали увидеть кого-нибудь из членов экипажа еще на посадочной палубе, куда их разбитую шлюпку затащило силовым полем, однако никто не встретил потерпевших бедствие. Только сухой голос искина приказал следовать за зеленым пунктиром на полу. Идти пришлось довольно долго, через шесть палуб, поднимаясь от одной к другой на лифтовых платформах.

Увидев впереди рубку, спасшиеся на мгновение замерли, нервно ежась. Впереди их ждала встреча с императором, как ни невероятно это звучало. Неужели беды горемычной страны наконец-то закончились? Неужели вскоре прекратится вся эта вакханалия, эта грызня всех со всеми, и у Росса появится истинный властитель, способный что-то изменить в происходящем? Хотелось бы верить, но поверить в это было очень трудно, особенно после двухсот лет правления временщиков, жаждущих только набить свои карманы и безжалостно грабящих народ. Только сможет ли его величество хоть что-нибудь сделать? Кто из власть имущих согласится просто уйти, выпустив из рук вожжи, а то еще и ответить за свои преступления? Нет таких, они будут держаться за власть зубами и когтями. Да и дураков, верящих, что их голоса имеют

значение, верящих в «свободу», к сожалению, тоже хватает – очень многим за прошедшие два столетия задурили головы. Они явно поддержат «демократов». Значит, снова кровь, и большая кровь. Готов ли к этому император? Трудно сказать.

Нерешительно войдя внутрь, Гилек увидел всего семь человек, теряющихся в огромном пространстве рубки. Трое сидели за рабочими пультами и что-то просматривали на голографических мониторах. Еще трое возбужденно разговаривали возле возвышения, на котором стоял императорский трон. У занимающего всю противоположную стену голоэкрана стоял молодой офицер в незнакомой зеленой форме, довольно-таки потертой. Почему-то Гилек сразу понял, кого видит перед собой, и двинулся к нему, Умар шел следом. Подойдя, каждый опустился на одно колено.

– Ваше величество! – выдохнули они в один голос.

– Опять за рыбу мясо... – недовольно скривился офицер. – Послушайте, я не намерен становиться русским императором! Это не по мне! На этом корабле я оказался совершенно случайно. Да, искин признал меня своим капитаном, но это еще ничего не значит. По крайней мере, для меня самого.

Астронавты растерянно переглянулись. Видимо, его величество откуда-то издалека и еще ничего не понимает... Никуда ему от своей судьбы не уйти – просто так капитанами Белого Крейсера не становятся, это известно каждому, кто хоть мало-мальски интересовался имперской историей. Осо-

бенно в случае, если выбор делал не искин уничтоженного во время переворота дворцового комплекса, а искин Белого Крейсера. И выбор последнего всегда превалировал над выбором первого. Почему, Гилек не знал, но так было издавна.

– А как нам вас называть?.. – осторожно поинтересовался Умар, не желая сердить императора – его право называться так, как он того желает. Сути это не меняет.

– Я капитан Красной Армии! – отрезал его величество. – Коршунов Алексей Михайлович. Вот капитаном и называйте. Или по имени-отчеству.

– Как прикажете, господин капитан! – склонили головы астронавты, гадая что это за «Красная Армия» и с чем ее едят.

– Вот и хорошо, – усмехнулся император. – А теперь садитесь и рассказывайте, кто вы и откуда.

Позади астронавтов бесшумно выросли из пола мягкие кресла, заставив их вздрогнуть – слышать-то о такой особенности имперских крейсеров они слышали, но видеть ничего подобного не доводилось. Сразу вспомнились байки о том, что эти крейсера строили не люди, что их просто где-то нашли и приспособили для своих нужд. Возможно и так, слишком уж громадные корабли отличались от остальных.

Выслушав рассказ Гилека с Умаром, император долго с недоумением смотрел на них, а затем спросил:

– Это что же, жители части бывшей Империи настолько ненавидят метрополию, что готовы убивать простых россов?

По какой причине?

– Да не жители, господин капитан! – возразил Умар. – Не жители! В Окрайне всегда была прослойка идиотов, непонятно почему жаждущих независимости от метрополии и считающих себя выше остальных. Сейчас их называют «сознательными». Точнее, они сами себя так называют. Когда после гибели последнего императора Росс распался, они пришли к власти в Окрайне, задурив народу головы трескучими лозунгами. В ход пошло все – от фальсификации истории до откровенных провокаций. Подлость и обман громоздились на еще большие подлость и обман. Вскоре народ опомнился, но было уже поздно – спешно проведенная приватизация отдала в руки «сознательных» все ресурсы страны. С тех пор «свободные выборы» поочередно приводят к власти две партии, мало чем отличающиеся друг от друга. Они всего лишь служат фиговым листком разным группам олигархов. На выборы приходит едва ли пять процентов населения – окрайны давно поняли, что за этой фальшивкой ничего не стоит, но данное обстоятельство господ «демократов» не смущает, они продолжают орать про свободу, но при этом держат людей в черном теле, направляя их помыслы только на выживание. Любые акции протеста безжалостно подавляются полицией, куда набирают «сознательных» из молодежных нацистских организаций.

– Я много раз говорил с простыми окрайнами из космодромной obsługi! – поддержал друга Гилек. – Они часто

просто руку мне стремились пожать. Потому что я росс! Всего лишь! Понимаете, господин капитан? Люди устали от того, что творят с их родиной «сознательные».

— Понимаю, — опустил голову тот. — Да уж, кошмар там происходит... Говорите, молодежь из нацистских организаций? У меня на родине как раз идет война с нацистами, знаю, что они такое...

— А вы думаете, на самом Россе лучше? — закусил губу второй пилот. — Как бы не так! Там несколько клик олигархов схлестнулись в драке за власть. Делят страну, на куски ее рвут! К развалу ведут, это из газет ясно видно — СМИ каждого материка ежедневно пишут о «суверенитете». Парламенты обвиняют друг друга в смертных грехах. Орут, что надо флот разделить и разбежаться по разным углам. Сволочи!

Он сжал кулаки и опустил взгляд, едва сдерживая нервную дрожь. Неужели император не услышит крика людей Империи, их мольбы о помощи, их отчаяния? Неужели оставит все, как есть?

— Ваше величество! — внезапно рухнул на колени Умар. — Накажите меня за то, что я вас так назвал, но для меня вы — император! Я не могу иначе! Выслушайте меня, умоляю!

В черных глазах уроженца далекого Синтара стояли слезы, смуглое лицо было бледным, светлые волосы растрепались, губы тряслись.

— Говорите, — сказал император после недолгого молчания.

– Неужели вы не понимаете, Ваше величество, что о вашем воцарении уже знают в империи?

– Знают? – насторожился тот. – Почему вы так думаете? Адмиралтейство-то понятно, но это Адмиралтейство, оно вряд ли станет откровенничать с прессой.

– Искин не мог не сообщить о коронации всем, кому только можно, это заложено в его основную программу, – криво усмехнулся бортовой врач, неплохо разбирающийся в кибернетике. – На многих планетах бывшей Империи сохранилось достаточно служб, использующих старые имперские протоколы связи. Все они знают, что у Белого Крейсера снова есть капитан.

– Ясно... – скривился его величество. – И что из этого следует?

– А то, что во многих странах, скорее всего, уже идут бои между имперцами и правительственными войсками! – упрямо набычился Умар. – По крайней мере, у меня на родине – точно! Мы – горцы, ваше величество! Мы помним нашу клятву крови! И будем помнить, сколько бы поколений ни минуло. Да, пока императора не было, мы позволяли править нами старейшинам, но только пока императора не было. Даю вам гарантию, что потомки старых гвардейских родов сейчас собирают вокруг себя лучших воинов Синтара! У нас в каждом доме в красном углу висит портрет императора, которому мы клялись в верности!

Он криво усмехнулся и добавил:

– Правда, не последнего, а предпоследнего, Михайлы VI Объединителя. И как у этого великого человека мог уродиться такой ничтожный сын, как Владек, будь он проклят во веки веков? Как искины вообще допустили его до власти? Не знаю, но он – не император! Он предал все и вся. Своей слабостью и трусостью предал! Можете казнить меня, Ваше величество, но это правда! Мы, горцы, всегда говорили императорам правду в лицо! И всегда будем, даже если ценой станет плаха!

Алесий – для Умара имя Алексей звучало дико, про себя он называл его величество привычным образом – долго смотрел горцу в глаза, а затем устало вздохнул и сказал:

– Как жаль, что никто не решается говорить нашему императору правду в глаза...

– Товарищ Сталин – не император! – вскинулся сидящий за пультом главного навигатора худой юноша с каким-то незнакомым Умару оптическим прибором на глазах.

– По сути – император, – отмахнулся капитан Белого Крейсера. – А как он там себя называет и какой в реальности общественный строй – неважно. Позже сам поймешь.

– Ваша величество... – повторил так и не вставший с колен синтарец. – Ваше величество! Неужели вы не понимаете, что сейчас у Империи впервые за много лет появилась надежда? Не лишайте нас ее! Сейчас миллиарды людей на всех девяти планетах с нетерпением ждут, когда в небе появится Белый Крейсер. Народ ждет этого с радостью, а правитель-

ства с ужасом...

– О, Господи! – застонал император, схватившись за голову. – Да поймите же вы, что я не потяну эту адскую ношу! Я не готов к ней! Я простой пехотный капитан! Мне всего двадцать два года! Куда мне?! Я вообще ничего в этой вашей Империи не понимаю! Я родом с планеты, еще не вышедший в космос! Очутился на крейсере непонятно как! Я не могу взять на себя такую ответственность. Товарища Сталина бы сюда, он бы быстро разобрался...

– Этот ваш товарищ Сталин тоже когда-то был молодым, – упрямо возразил Умар. – Не думаю, что он сразу всему научился. Ваше величество! Создатель возложил этот долг именно на вас! Ведь неспроста же?

– Возможно... – не стал спорить Алесий. – Но... Я не могу. Слышите? Я должен вернуться домой! У нас там война. Я присягу давал! Понимаете? Присягу!

– Понимаю, Ваше величество... – помрачнел Умар. – Присяга – это святое...

– Вот только возможности вернуться домой нет, – заговорил один из стоящих возле тронного возвышения людей, среднего роста парень с короткими каштановыми волосами и резкими чертами лица. – Даже Белый Крейсер не способен перемещаться во времени.

– И ты туда же, Виктор! – с досадой посмотрел на него император. – Все-таки считаешь, что мы в будущем?

– Считаю, – подтвердил тот. – И в прошлом относительно

моего времени. Хочу в этом убедиться. Господа, какой нынче год от основания Империи?

– Две тысячи триста тридцать девятый, апрель, – ответил Гилек, пытаясь осознать вышесказанное. Прошрое? Будущее? Что за чушь?

– Так я и думал, – удовлетворенно кивнул Виктор. – Самый конец Безвременья. И если уж в мое время не умели путешествовать во времени, то сейчас это тем более невозможно. Простите, товарищ капитан, но это правда и никуда от нее не денешься.

– И чего же ты от меня хочешь? – устало посмотрел на него тот.

– Ничего. Решать вам.

– Вот именно, мне.

Немного помолчав, Алексей перевел взгляд на Гилека с Умаром.

– Где вас посадить? – негромко спросил он.

– На Россе, – со вздохом ответил второй пилот. – Если можно, на материке Дубница, на северо-западе. Денег нет ни гроша...

– Ваше величество! – после недолгого молчания снова заговорил Умар. – Я потомок одного из самых известных в свое время гвардейских родов. Позвольте подтвердить клятву верности рода. Как наследник имени, я имею на это право.

– А не слишком ли многого вы хотите? – выступил вперед Виктор. – Возможно, товарищ капитан и не знает, что это

значит, но я-то знаю. И молчать не буду.

– Так говори, – повернулся к нему Алексей.

– Подтверждение родовой клятвы перед лицом императора означает личный вассалитет. Это одновременно величайшая привилегия и величайшая ответственность. Личный вассал отвечает только перед императором и имеет право приказывать от его имени. Но и отвечает за это головой.

– Да, я хочу стать личным вассалом императора! – в черных глазах Умара загорелся гнев. – Тогда бы я легко поднял Синтар! Личному вассалу даже старейшины не осмелятся противоречить! Они тоже помнят клятву крови, данную нашим народом!

– Как мне все это надоело... – скривился Алексей. – Значит, так. Я еще ничего не решил. Мне нужно обдумать все это.

Немного помолчав, он обратился к одному из стоящих возле тронного возвышения, человеку лет тридцати с вытянутым, лошадиным лицом:

– Иван, накорми гостей и выдели им каюту. А я пойду отдохну и немного подумаю.

– Сделаю, товарищ капитан, – кивнул тот.

* * *

Росс замер в напряженном ожидании. Неожиданная коронация нового императора потрясла страну. Реакции людей

были самыми разными – от радости и надежды до зубовного скрежета и ненависти. Кто-то злорадствовал, ожидая, что его величество прижмет власть имущих и накажет виновных в беззастенчивом грабеже страны. Кто-то боялся возможной гражданской войны и репрессий. Самые осторожные на всякий случай запасались продуктами и водой, считая, что без кровопролития и разрухи не обойдется. Другие собирались на митинги, где самозванные лидеры кричали о поддержке императора или о полном его неприятии. Люди в большинстве своем давно забыли, что такое Империя на самом деле, помня о ней в только хорошее и забыв плохое, которого тоже хватало.

Однако даже самые здравомыслящие соглашались, что с нынешним беспорядком надо что-то делать – распада страны не хотелось никому, кроме надеющихся на этом поживиться. Но беда в том, что власть находилась в руках людей, думающих только о собственном кармане или собственных амбициях. Остальные никакого влияния не имели. И эти остальные хорошо понимали, что «демократы» изо всех сил будут противиться воцарению императора, хорош он там или плох. Ведь его появление помешало власть имущим в реализации их замыслов, а значит, эти господа приложат все усилия, чтобы устранить помеху. Даже с Белым Крейсером можно справиться при желании, достаточно иметь десятка три-четыре линкоров первого класса и толкового адмирала.

Вот только станет ли федеративный флот атаковать импе-

раторскую резиденцию, даже получив прямой приказ правительства? Крайне сомнительно, особенно, если учесть реакцию большинства флотских на коронацию – дикий восторг. Их пьянки и дебоши прокатились по всем городам и селениям планеты. От воплей «Слався!» и «Бей скотократов!» тряслись стекла в бесчисленных ресторанах и кафе, которые в день коронации оккупировали военные. Армейские офицеры вели себя ничем не лучше. Однако это был младший офицерский состав, адмиралы и генералы помалкивали, ничем не выдавая своего отношения к происходящему. За исключением самых одиозных фигур, к которым нельзя было относиться всерьез.

Пока население праздновало, строило предположения, ужасалось и надеялось на лучшее, различные политические партии и стоящие за ними силы пытались перетянуть на свою сторону высших военачальников. Те брали подношения, заверяли каждого дающего в своей преданности, но на деле не предпринимали ничего, ожидая развития событий.

Впервые за последние тридцать лет состоялась общая встреча лидеров крупнейших партий, богатейших промышленников и финансистов, руководителей Службы Безопасности и видных политологов. Изучив наспех созданную учеными социально-экономическую модель, они пришли в ужас – незваному императору достаточно будет сделать один шаг, чтобы страна свалилась ему в руки, как перезревший плод. Все их тщательно выпестованные построения оказались кар-

точным домиком. Но никто ведь не мог предсказать такой реакции населения на коронацию! Да и ее саму ожидать не могли — в слишком далеком прошлом осталась Империя, чтобы принимать во внимание ее возможное возрождение.

Двести лет прошло со дня «парада суверенитетов», государства известной части галактики привыкли к самостоятельности, и их правительства не собирались выпускать вожжи из рук, отдавая какому-то самозванцу. О чем речь, даже Росс запланировали разделить на четыре страны — слишком велик. Псевдоэлита каждого материка издавна жаждала заполучить собственный кусок пирога, потому и вела столичную планету давно не существующей Империи к распаду. И тут вдруг откуда-то взялся император, чтоб ему сквозь землю провалиться! Ну кому он нужен? Да только быдлу, не способному выдирать деньги из глотки других, не способному идти по головам и жить по звериным законам. Справедливости им восхотелось?! Не получат!

Однако не прошло и трех дней, как начались кровавые и страшные события, перепугавшие многих высокопоставленных дам и господ до икоты. Их, испокон веков считавшихся неприкасаемыми, начали убивать! Даже не убивать, а давить, как давят вшей. Различными способами, от ракетной атаки, полностью уничтожающей роскошные особняки вместе со всеми их обитателями, до взрыва личных флаеров и использования снайперов или яда. За один-единственный день элита страны понесла такие потери, каких не нес-

ла еще никогда. Выжившие в ужасе забились в защищенные по последнему слову техники подземные убежища и оттуда принялись названивать чинам Службы Безопасности. Те тоже пострадали, по крайней мере, директор СБ и шесть его заместителей скоростно покинули юдоль скорби, ошибочно именуемую миром.

Еще через два дня по всей планете начались бунты, акции гражданского неповиновения, забастовки, митинги, погромы. Причем любому неглупому человеку очень быстро становилось ясно, что это происходит не просто так, не само собой – слишком уж четко все организовано. Ни единого лишнего действия! Кампанию кто-то очень хорошо спланировал. Но кто? Люди ломали головы, ничего не понимая – хорошо, после длительного перерыва коронован новый император – почти невероятно, но все же возможно. Вопрос в другом: откуда у него такая мощная поддержка? Кто его поддерживает? А кто-то явно поддерживал. И кто-то, обладающий немалыми возможностями и ресурсами. Это еще сильнее встревожило выживших политиков и олигархов.

Лучшие следователи СБ взялись за работу и вскоре поняли, что за происходящим стоит флотская разведка, а если точнее – генерал Мирко Таркович. Он даже не особо скрывался, не рубил, как всегда раньше, хвосты самым жестким образом. Казалось, своим поведением генерал говорит: «Вот он я, господа хорошие, возьмите, если сможете». Командующий федеральным флотом сразу после того, как обо всем

этом стало известно, объявил о смещении с должности начальника разведки и издал приказ о его аресте, заверив возмущенную элиту, что сам здесь ни при чем, что возмущен не менее, чем они. Тщательное расследование доказало, что Шемич действительно не виноват – Таркович действовал самостоятельно, полагаясь на верные ему группы офицеров, к данному моменту успевшие уйти в подполье. Все силы полиции и службы безопасности Федерации Росс встали на дыбы в попытках поймать преступника, осмелившегося покуситься на святое – жизни высших политиков и олигархов страны.

Искать долго не пришлось. Генерала объявился на неожиданно восставшем линкоре первого класса «Амирал Швыдкой». Именно глава разведки и стоял за восстанием, в результате которого лояльные правительству офицеры были расстреляны перед строем скандирующих имя императора мятежников. Сразу после этого линкор снялся с орбиты и ушел в неизвестном направлении – неподалеку не нашлось кораблей сопоставимого класса, способных остановить его. Однако собрали их быстро, и через восемь часов в погоню вышло флотское соединение, состоящее из шести линкоров, двенадцати тяжелых крейсеров, двух авианосцев и восемнадцати эсминцев. Возглавили их офицеры с твердыми демократическими взглядами.

Вскоре стало ясно, что мятежник на полной скорости уходит к Гонхасу, о чем тут же известили правительство Окраины, пообещав за помощь в нейтрализации или поимке лин-

кора немалые уступки во время предстоящих переговоров о ценах на особые сплавы, использующиеся в кораблестроении. Их выплавляли только на Россе, все остальные планеты бывшей Империи были вынуждены покупать их там. Кроме Ларата, конечно.

Одно только было непонятно: почему генерал увел свой линкор именно к Гонхасу? Что там делать имперцам-мятежникам? Ушли бы на Синтар, оттуда бы их никогда не выковыряли – нелюбовь синтарцев к демократии и демократическим странам была хорошо известна. Ни разу еще никого не выдали по требованию Федерации. На запросы и ноты отвечали, что им только император имеет право приказывать, а президент – никак не император.

Однако что-то Тарковичу оказалось нужно именно возле Гонхаса. Что? Никто не знал. Правда, у многих навигаторов преследующего флота возникло одно предположение, но не делиться же им с назначенными сверху капитанами, которых экипажи презирали до гадливости? Вот никто им и не сказал, что бывший глава флотской разведки вполне мог отправиться на randevu с его величеством Алесиим. Офицеры и простые астронавты едва заметно усмехались, искоса поглядывая на самоуверенных капитанов – если Таркович действительно встретится с императором, то этих не слишком умных господ ждет сюрприз. Очень большой сюрприз.

Алексей ходил из угла в угол своей огромной каюты и тихо ругался сквозь зубы. Того, что на него свалилось, он не ждал, да и ждать не мог. Мало того, что оказался неизвестно где, на космическом крейсере цивилизации, опережающей Землю в развитии на столетия, если не на тысячелетия, так его еще и императором считают! Пусть даже домой не вернуться, пусть придется жить здесь, но принимать на себя *такую* ношу? Брать на себя *такую* ответственность? Ведь власть – это далеко не привилегии, а именно ответственность. Перед самим собой и Богом. И дурак тот, кто считает иначе. Нет, дорогие товарищи, Алексей к такому просто не готов. Тем более, что Росс – чужая страна. Похожа на родину, но все равно чужая.

За десять дней, прошедших с момента переноса на крейсер, бойцы кое-как освоились на нем. Сильно помогли сгруженные искином им прямо в мозг специальные знания. Однако эти знания не заменяли реального опыта, вот и носился Белый Крейсер туда-сюда – Сергей Перков осваивал мастерство пилота. Разлетались в пыль встречные астероиды – Ашот Каспарян учился стрелять из бортовых орудий. По коридорам туда-сюда мельтешили ремонтные и иные киберы – Мыкола Шелуденко, отчаянно матерясь, пытался разобраться как, в случае чего, проводить срочный ремонт после по-

вреждений в бою. Иван Мурынин бегал по всему кораблю, проводя инвентаризацию – завхоз обязан знать, что у него есть, а чего – нет. Михаил Фельдман изучал межзвездную навигацию и стонал, что ничего в ней не понимает – слишком далеко русская математика ушла от русской. Его общими усилиями успокаивали и уговаривали продолжать – успели понять, что без толкового навигатора не обойтись.

Сам Алексей старался ознакомиться со всем, чему учились его подчиненные – капитан обязан уметь это хотя бы начальном уровне. Однако информации оказалось слишком много, даже ментоскопы не помогали – мозг не способен усваивать знания в таких количествах. Виктор брал на себя, что мог, но тоже к вечеру валился с ног от усталости: семь человек для столь огромного корабля – просто ничто. Необходимо было срочно набирать экипаж. Но где его взять? Да и кому можно доверять в чужом мире?

Алексей пребывал в растерянности, когда услышал объявление искина, что неподалеку сканерами пространства пойман сигнал бедствия. Немного подумав, он приказал идти на помощь. Рассказы спасенных россов потрясли капитана. Он, конечно, помнил слова Виктора о том, что в Безвременье в Империи творилось страшное, но не представлял, что настолько страшное. Однако императором становиться все равно не собирался – слишком хорошо знал свои способности и понимал, что не справится. Просто не справится.

Однако совесть ела Алексея поедом, а в голове набатом

звучали слова Умара: «Ваше величество! Неужели вы не понимаете, что сейчас у Империи впервые за много лет появилась надежда? Не лишайте нас ее!» И ему было очень не по себе. Не трус ли он? Но...

В отчаянии капитан из всех сил ударил кулаком по стене. Боль в разбитых пальцах заставила немного отвлечься. Хриплым голосом он приказал искину подать сто грамм коньяка и, взяв стакан из окна раздачи, залпом выпил. Спиртное не помогло. Мысли о том, что делать, не давали Алексею покоя.

– Искин... – глухо позвал он.

– Да, мой капитан.

– Сколько времени насчитывает история Росской Империи?

– Точно неизвестно. По данным Императорской Академии Наук, около пяти тысяч лет. Доказательств местного происхождения человека не обнаружено ни на одной из планет. То же относится и к Кархану, нашему основному сопернику. Главенствующая историческая школа в конце концов пришла к выводу, что Росс – чья-то забытая и одичавшая колония. Не все были согласны, но это ничего не меняло – доказательств обратного не существует. Еще одной причиной вышеуказанного мнения являлись немногие сохранившиеся легенды, имена и портреты великих императоров прошлого. Неизвестны ни название страны, в которой они правили, ни даты, да вообще почти ничего. Однако само наличие таких

легенд говорит о том, что в далеком прошлом Росса существовала великая страна, многого добившаяся и достигшая. Вероятнее всего Империя возникла, как я уже говорил, из ее колонии.

– Имена и портреты... – задумчиво повторил Алексей, опускаясь в кресло. – А знаешь что? Покажи-ка мне их!

– Как прикажете, мой капитан.

На стене, превратившейся в голоэкрэн, возникла даже на первый взгляд древняя картина, написанная маслом и покрытая каким-то лаком. На ней был изображен суровый воин в кольчуге, с мечом, в остроконечном шлеме.

– Ярослав Мудрый, – прокомментировал искин. – Годы правления и деяния неизвестны.

– Кто?! – схватился за горло от такого известия Алексей. – Ярослав Мудрый?!

– Да.

Капитан медленно встал, глядя в холодные глаза воина. Совпадение? Или нет? Если это тот самый Ярослав Мудрый, то все ясно. Росс – тоже Россия. Неважно, где и когда, но Россия. Пусть даже ее колония, забывшая о своих корнях. Это не имеет особого значения.

– Дальше! – выдохнул он.

Ярослава Мудрого сменило изображение другого воина в похожем одеянии.

– Дмитарий Данской, – сообщил искин.

Алексей уже не удивился, он сел на край кровати – ноги не

держали – и вытер холодную испарину со лба. Весело получается... Выходит, прав был Виктор? Ох ты ж, Господи... И что теперь делать ему? Он ведь больше не имеет права сказать: «Росс – чужая страна, не моя, поэтому пусть живет, как хочет...» В том-то и дело, что страна – его! От этого никуда не уйти, уж себя-то обманывать не нужно. Присяга, данная Алексеем, распространяется и на Росскую Империю...

Следующим оказался двухметровый детина по имени Петер Кораблестроитель. Не узнать его выкаченные глаза и кошачьи усики было невозможно – Петр, Петр Первый, он же – Великий. Не путаешь. У капитана поплыло перед глазами, в ушах застучало, дыхание стало хриплым. Следующей на экране возникла Катинка Великая. Ясно, Екатерина. Скорее всего. Затем – Никлас I.

– Ясно, что это не все императоры, – продолжил искин. – Память, по всей видимости, сохранили только о самых выдающихся. Последний из таких – Иосайф Железный. Победитель в великой войне. Какой именно и с кем – осталось неизвестным.

А это еще кто? Алексей уставился на экран, где появился очередной портрет. Когда он понял, кто изображен там, капитану показалось, что на него рухнул потолок. С портрета гневно смотрели хорошо знакомые тигриные глаза товарища Сталина. И в этих глазах явственно читалось: «Что, мальчишка, струсил? А ну-ка быстро взял себя в руки, встал и пошел делать дело!»

– Я же не справлюсь, товарищ Сталин... – Алексей, пошатываясь, встал. – Я не потяну...

Больше доказательств того, что Росс – его родина, не требовалось. Казалось бы, радоваться надо, но так плохо капитан никогда еще себя не чувствовал. В глазах было темно, руки и ноги тряслись, дыхание перехватывало. Неужели ему действительно придется становиться императором?.. Да разве обычный пехотный офицер справится с такой задачей?! Алексей прекрасно понимал, что нет. Да еще и когда страна разорвана на куски. Как ее собирать? Как заставить людей поверить себе? Как повести за собой? А главное – куда их вести? Капитан не знал. Ни опыта ведь, ни образования. Да и возраст всего двадцать два года – мальчишка еще.

Внезапно перед внутренним взором появился приемный отец, Ефим Климов. Он с сочувствием посмотрел на едва не плачущего сына, а затем почти беззвучно сказал:

– Есть такое понятие, сынок, – долг. И неважно, можешь ты или нет, способен ли справиться. Иди и делай, не жалея себя, отдавая все силы и саму душу.

– Я же людей погублю... – простонал Алексей. – Понимаешь, папа? Людей! Живых людей!

– А чтобы не сделать этого, думать надо, а потом только делать, – возразил Ефим. – На то тебе, сынок, голова дадена. Главное – оставайся самим собой, не превращайся в безумного тирана – это самое простое: платить за все чужой кровью.

– Я же ничего не понимаю в государственном управлении... Ну какой из меня император?!

– Уж какой есть. Раз Бог решил взвалить эту ношу именно на тебя – тащи. И не ной. Просто делай свое дело. Насколько сможешь хорошо. Ты – русский офицер. Вспомни о чести.

– Я помню... – глухо сказал Алексей. – Я просто боюсь не справиться...

– Один из древних римлян как-то сказал: «Делай, что должно. Свершится, чему суждено», – грустно усмехнулся Ефим. – Вот и делай. Тем более, что ты теперь за всю Россию в ответе...

Что ж, отец прав. Россия – она везде и всегда Россия, как бы она теперь ни называлась. Алексей давал присягу служить ей. Выходит, родина требует от него такой службы? Капитан сомневался в своей способности стать истинным императором, но вскоре осознал: сейчас он выйдет и скажет всем, что принимает корону. Иначе русский офицер, если у него еще оставалась честь, поступить не мог. А тут еще и устремленный на него требовательный, нечеловеческий взгляд товарища Сталина, которого капитан всегда воспринимал не как секретаря ЦК ВКПБ, а именно как императора. Пусть слишком жестокого порой, даже абсолютно безжалостного, кровавого, но все равно императора, который за шкуру поднял страну на дыбы и заставил ее во всеоружии встретить врага. Как же страшно он смотрит...

Да, раз Росс – та же Россия, только в будущем, то Алексей

отвечает за ее судьбу. И обязан вытащить из ямы, в которой она оказалась. Любой ценой вытащить. Капитан снова покосился на портрет и поежился. А затем выпрямился, сцепил зубы и шагнул вперед, к двери.

Император Алексей I принял свою судьбу. Впрочем, нет, Алексей II – первым был отец Петра Великого, Алексей Тишайший. С этого момента ответственность за все в этом мире лежала на нем.

Глава 4

Придя в рубку, Алексей вспомнил о самом важном, что должен сообщить остальным.

– А ведь мы победили, ребята... – с грустной улыбкой сказал он.

– Колы? – удивился Мыкола. – Кого?

– В войне победили. Только что я попросил искина показать мне портреты древних императоров Росса. Одним из них оказался товарищ Сталин...

– Товарищ Сталин?! – пораженно выдохнули бойцы, переглянувшись.

– Именно он, – кивнул Алексей. – Еще искин сказал, что это – император, победивший в великой войне. Потому и говорю, что мы победили!

– Ура!!! – единогласный вопль радости сотряс рубку.

Слишком хорошо бойцы помнили страшную войну, гибель друзей и близких. Помнили, сколько крови пришлось пролить, чтобы сдержать немцев, а затем и потеснить. Значит, все же победили! Да, на это надеялись, об этом мечтали, этого страстно жаждали, но в сорок третьем до победы было еще далеко. Каждый испытывал смутную досаду, что обошлись без него. И одновременно понимал, какой ценой далась не только ему, а всей стране эта победа – сами видели, сами воевали. Да и не только они, все вокруг. Из послед-

них сил советские люди сражались и работали, все отдавая во имя победы – одной на всех. Добились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.